

РОМАН
СЛИШКОМ ЖИВЫЕ ЗВЁЗДЫ

ДАНИИЛ ЮЛИАНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Юлианов

СЛИШКОМ ЖИВЫЕ ЗВЁЗДЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58485968

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-92788-9

Аннотация

Сохранит ли Петербург свою красоту во время апокалипсиса? Смогут ли люди, пережившие "светлую" ночь, не переступить грань, отделяющую человека от животного? И как долго в таком мире продержится любовь, когда вокруг рыскают хищники и жаждут крови?

Это предстоит узнать обычным жителям города, у каждого из которых своя история, своя трагедия. Дизайнер женской одежды, преподаватель русского языка, ученики выпускных классов и другие встретятся друг с другом, чтобы разобраться в произошедшем и узнать, какое же надвигается зло.

Но они даже не догадываются, что настоящее зло – это люди...
Содержит нецензурную брань.

Содержание

Посвящается	4
Часть 1	5
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	32
Глава 4	53
Глава 5	64
Глава 6	77
Глава 7	80
Глава 8	86
Глава 9	92
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Даниил Юлианов

Слишком живые звёзды

Посвящается

Моим любимым женищинам, которые воспитывали меня с самого детства – маме, Реснянской Алине Ивановне, и бабушке, Пугиной Людмиле Александровне

Моему отцу, который пришёл в нашу семью в тяжёлое время и сделал мою маму вновь счастливой – Реснянскому Сергею Генадьевичу

Моему покойному дедушке, который заложил во мне фундамент мужчины – Пугину Ивану Васильевичу

Моей любимой красавице – Иве

Левиной Владе Владимировне, раз я тебе пообещал

Стивену Кингу и его шедеврам. В особенности – «Противостоянию», вдохновившему меня на написание этой книги

И отдельно посвящается Петровой Екатерине Александровне, подарившей нам всем такого замечательного персонажа – Катю. Она вдохновляла меня все пять месяцев, что я писал книгу, и всегда поддерживала меня

Я это сделал, Кать

Твоя улыбка – лучший мотиватор

Часть 1

НАЧАЛО КОНЦА

It's a long way to the finish

“Glory”, Future Royalty

Глава 1

За кулисами

– Красивый город, правда? Только взгляни на эти огни!

Ветер ничего не ответил Алексею. Он лишь холодными пальцами прошёлся по чисто выбритому лицу и ласково взъерошил волосы. Воздух пах свежестью – такой, какая наступает в городе только ночью, после того, как большинство жителей смыкает глаза. Вообще ночью тонкую грань мира прорезает магия, которую вдыхают поэты, когда пишу стихи, втягивают в лёгкие художники за созданием картин и выкашливают маньяки, возбуждённые тем, что им наконец удалось поймать жертву. Город пестрил контрастами, добро и зло растворялись в свете фонарей и сливались в нечто единое, целое, похожее на огромное каменное сердце, находящееся, конечно же, под Дворцовой площадью.

– Я остановлю его, вот увидишь. Я стану свидетелем последнего удара этого сердца.

На красивом лице, не лишённом мужской эстетики, расплылась тёплая улыбка счастливого или почти счастливого человека. Под тёмными глазами на щеках появились ямочки, и от подобной улыбки растаяли бы многие женщины, если б сквозь зубы не сочилась смесь слюны с чужой кровью, запачкавшей всю нижнюю половину лица. Из-под верх-

ней губы выглянули клыки, показались зубы, и теперь луна освещала уже не улыбку, а звериный оскал. Глубоко в груди, под крепкими рёбрами, зарождалось тихое рычание. Алексей чувствовал вибрацию внутри своего тела, чувствовал, как она волнами пробегает под кожей и бьётся о кости, возвращаясь к мышцам слабым электрическим зарядом. Алексей чувствовал внутри себя жизнь. И как же это приятно! Свежий воздух заполнял собой альвеолы, в венах бурной рекой протекала кровь, а суставы – все до единого! – двигались так, будто их только-только смазали. Крепкое тело... Наконец-то крепкое тело... А самое главное – мужское.

Он заработал себе ещё одну жизнь, чтобы продолжить отбирать чужие.

– Это красивый город. – Голос звенел подобно лучшей в мире мелодии, приятный бас ласкал уши, а осознание того, что он принадлежит тебе, грело то, что люди называют душой. – Это город ночи, а не дня. Я бы переименовал его в Луноград или Мунсити. Чертовски красивая луна!

И ведь правда, луна сегодня напоминала женщину, впервые вышедшую на свидание после декрета. Как только эта мысль пронеслась в голове Алексея, на его лице вновь засияла улыбка – в обрамлении чужой крови, безумно вкусной после долгого перерыва. От карих глаз, глубину которых можно сравнить с Марианской впадиной, отражался круглый серебряный диск, плавающий в небе, усеянном звёздами. Тысячами, миллионами звёзд. Они равнодушно взирали на Зем-

лю, на её жителей, оставались холодными ко всем событиям, что происходили в эту ночь на петербургских улицах. Как бы сильно поэты не хвалили звёзды, последние не изменяли своему безразличию и в самые тёплые ночи светились так же холодно, как и в самые морозные, тёмные, бессонные. Звёзды мертвы, это люди наделяют их жизнью, видят в их сиянии то, что хотят видеть, восхищаются ими, хотя тем всё равно.

Но не всё равно Алексею. Он стоял на одной из крыш жилого дома Петербурга (из тех, что строились ещё в Империи) и смотрел на простирающиеся внизу дороги, напоминающие вен огромного существа. И да, он слышал биение сердца города. Чувствовал его каждой клеточкой тела, вдыхая свежий ночной воздух, пропитанный магией и легкомыслием. Да, именно с приходом луны люди становятся легкомысленными. Поэтому всё произойдёт ночью, чтобы жёлтое сияние растворялось в свете уличных фонарей. А звёзды... звёзды всё так же будут равнодушно смотреть вниз. И только одна – одна-единственная – отличиться среди остальных.

– Санкт-Петербург... – медленно сказал Алексей, чётко выговаривая каждую букву. Словно он пробовал слово на вкус, облизывал его, изучал. Вдали на фоне почти чёрного неба в лунных лучах поблёскивал купол Исаакиевского собора – символа этого города, шедевра архитектуры. – Знаешь, мне здесь нравится, правда. Почти как дома, только здесь меня ещё не знают. Совсем, совсем не знают.

Ветер опять промолчал и в ответ лишь встрепал полы

длинного светлого пальто, в котором был Алексей. Его волосы тонули в густой черноте, а скулы слегка проступали под кожей; казалось, его лицо было идеально-симметричным, слишком выточенным для человека. И только засыхающая кровь выдавала в нём хищника. Воздух прорезали автомобильные гудки, звяканье колокольчиков, повешенных при входе в кофейни, гул прохожих и рычание моторов сотен, сотен машин, мчащихся внизу и сменяющих друг друга. Все эти звуки смешивались в единое целое, и именно из них выливалось биение огромного сердца города.

Петербург жил, всё в нём кипело даже под покровом ночи. Кто-то в этот момент заливался краской при первом поцелуе, кто-то склонялся над близким родственником, попавшим в кому, кто-то разговаривал по телефону с женой, поглаживая в это время грудь любовницы, а кто-то другой ехал на красный, потому что незнакомый голос вдруг сообщил им, что, к сожалению, нужно приехать, опознать тело. В одном городе такие разные судьбы... Люди проходят в метре друг от друга, не зная, что их линии жизни пересекаются незаметно для них самих. Каждого что-то гложет, каждый чем-то озабочен, каждый чего-то боится. И все они смотрят на купол Исаакиевского собора, когда проходят рядом. Всех этих людей объединяет одно – они живут в одном городе, внимая биению его сердца. И какие же разные у всех судьбы!

– Жёлтый настигнет многих, я тебе обещаю. – Алексей сжал в карманах пальто кулаки. – А потом жёлтый сменит

красный, вот тогда и поиграем. А ещё... ещё мне чертовски нравится свой голос!

Алексе рассмеялся, и некоторые прохожие подняли головы, услышав смех какого-то сумасшедшего. В это время на радиостанциях пропал сигнал, и несколько секунд водители слушали только помехи.

Когда смех прекратился, сердце Петербурга вновь заби-лось ровно.

– Скоро ты обо мне узнаешь. Совсем скоро, и произойдёт это ночью. Мне нравится Петербург под луной.

– Давай поцелую.

Вика аккуратно прильнула губами к костяшкам его пальцев, и от одного этого соприкосновения всё внутри полыхнуло огнём. Егор закрыл глаза, чувствуя боль в те моменты, когда нежная кожа губ касалась плоти. Только недавно костяшки начали заживать, и теперь они вновь были избиты в кровь.

– Такими темпами ты себе руки отобьёшь.

Егор не ответил, решив промолчать. После драк всегда так: бушевавший в крови адреналин куда-то выветривается, эмоции бледнеют, и совсем неожиданно возвращается ясность ума – только после того, как чья-то челюсть выбита из суставов. Конечно, к этому букету прилагалась и боль – в случае поражения в драке, но последний раз Егор побили в седьмом классе, то есть три года назад. Туалет, раковина,

плитка, голова, сотрясение мозга, перепуганная мама – тот день он запомнил хорошо, а потому не хотел вновь прочувствовать подобную боль.

Но вот драться Егор любил. Это было его страстью, и пусть он даже отдалённо не был знаком с единоборствами, уличные драки его кое-чему научили. Используй окружение – вот самое главное правило уличных драк. Не концентрируйся только на противнике, рассей своё внимание на окружение и думай. Как ни странно, в бою надо думать, и чем быстрее, тем лучше. Дедукцию никто не отменял.

– Не обижайся на меня, Егор, но ты больной. Я бы назвала тебя сумасшедшим, если б не любила.

Она отпрянула от его кулаков и взглянула в глаза.

Издалека, сквозь густую тишину доносилась музыка, исполняемая богом забытой кантри-группой, самому молодому участнику которой было 58 лет. Егор и Вика находились за кулисами небольшого ресторанчика, какие обычно открывают на окраине города. Они сидели на одной-единственной скамейке, укутанные тенью, которую лишь совсем немного разбавлял свет. Лучи прожекторов заглядывали сюда, но в целом уступали место полутьме. Но даже в ней Егор отчётливо видел яркие, безумно яркие рыжие волосы Вики.

О. эти огненные волосы!

Наверное, именно в них сначала влюбился Егор. Не в глаза, не в округлости тела, не в улыбку, а в первую очередь – в волосы. Казалось, их соткали из пламени и сам бог поце-

ловал их, подарив такую яркость. Стелились они чуть ли не до самой поясницы, прикрывая спину узором игривого огня. А светло-зелёные глаза и вовсе смотрелись в их обрамлении подобно двум ярким изумрудам, красивее которых на свете не было. Вика – единственный человек, перед которой Егор мог потеряться, не найтись с ответом. Её красота поражала, её харизма, проявляющаяся в улыбке, голосе, смехе, движениях рук, околдовывала.

Но цепляла Егора больше всего не красота, а...искренность, понимание того, что с ним Вика настоящая. Порой в изъянах кроется такая красота, какую не найдёшь в общепринятом идеале. Для многих Виктория Краева была самым воплощением красоты, но Егор видел в ней куда больше изъянов, чем остальные, и любил их сильнее. То, что после приёма душа она всегда рисует на запотевшем зеркале смайлик, что после секса она никогда не забывает почесать Егору волосы; то, как блестят её глаза, когда она начинает о чём-то страстно рассказывать, и как смешно она хрюкает, не в силах противостоять смеху – все эти мелочи Егор любил сильнее, чем красоту Вики, сразу бросающуюся в глаза. Потому что такие мелочи мог видеть только близкий, невероятно близкий человек. Именно искренность способна завоевать сердце – сексуальность и красота даже рядом не стоят. Искренность – вот тот ключик, открывающий самые прочные двери.

– Мне, конечно, приятно, но не мог бы ты перестать на меня так смотреть? Ты меня слишком заводишь, а нам ещё

выступать.

Егор рассмеялся и, накрыв огненную макушку ладонью, поцеловал Вику в лобик. Губы её в этот момент расплылись в улыбке. Да, в улыбке тёплой, искренней, сияющей счастьем в полутьме за кулисами. До них двоих всё ещё доносилась музыка, но сейчас Вика слышала только биение сердца мужчины, что нежно её обнимал. Как это приятно – тонуть в объятиях сильных мужских рук, которые так жёстки с обидчиками, но так нежны с тобой! Ради таких моментов и хочется жить. Всё-таки любовь – это прекрасно. Особенно когда она разбавляется хорошим, горячим, приятным для обоих сексом.

А у Егора с этим проблем не было.

– Почему я больной, а? Из болезней у меня только хроническое отсутствие юмора.

– Чувства юмора, умник. – Вика освободилась от объятий и посмотрела на Егора. – Ты, правда, не понимаешь, о чём я?

Его яркие голубые глаза чуть ли не светились в темноте. Радужки переливались цветом поверхности моря в спокойное утро, когда на небе нет ни единого облачка. Часть русских волос чуть спадала на лоб, и почему-то взглянув именно на неё, Вика подумала: «Я люблю его. Я действительно люблю его». Егора природа тоже не обделила красотой, а уж со скулами и вовсе не церемонилась – контуры челюсти прямо сияли эстетикой. Его завораживающее лицо никак не вязалось с характером, что скрывался под голубыми радужками

глаз. И только избитые в кровь костяшки пальцев показывали нутро.

Вика убрала упавшую на лоб Егору прядь русых волос и заговорила, старясь сохранять в своём голосе и мягкость, и жёсткость одновременно:

– Ты, конечно, преподавал тому парню урок. Думаю, ты будешь ему сниться несколько ночей, а то и вовсе будешь казаться повсюду. Ты напугал его, Егор, но... – Вика взяла его ладони в свои. – Но ты напугал и меня.

Брови над голубыми глазами сошлись домиком. С большим трудом Вика подавила в себе желание улыбнуться (он так мило это делает!) и крепче схватила нить мысли, которая так и растворялась в радужках цвета чистого моря.

– Я давно хотела с тобой об этом поговорить, Егор, но всё никак не решалась. Ты... милый, ты не будешь злиться, если я скажу, что сейчас – лучший момент?

И к её удивлению Егор сделал нечто необычное. Вместо того, чтобы уйти от разговора или начать спорить, он с нежностью мужа провёл пальцами по ярким рыжим волосам. Медленно, очень медленно, но от касаний этих Вике сразу стало легче. Она ни на секунду не сомневалась в своей любви к Егору точно так же как и в его – к ней. Но всё же кое-что настораживало... Эти избитые в кровь костяшки, драки, крики – один сплошной ужас. Самое страшное заключалось в том, что этот ужас нравился Егору. Он жил им, а кожа на руках не успевала заживать. Будто внутри Егора жил монстр,

насытить которого с каждым разом становилось всё труднее и труднее. И однажды этот монстр...

– Вика, если я и буду злиться, то только на такие вопросы. Хочешь спросить что-то – спрашивай. Если считаешь, что сейчас лучший момент, значит, оно так и есть.

Его слова тронули сердце, окутав его теплом. Голос Егора сочетал в себе приятный бас и странную, почти неосоздаваемую нежность, которую не улавливал ни одни из пяти органов чувств – нежность ощущала душа, а ей Вика доверяла. Руки воина могут быть нежны с принцессой. Ладони, совсем недавно испачканные чужой кровью, с невероятной любовью могут легонько сжимать грудь. Воин никогда не поднимет руку на близких. Никогда.

И всё же...

– Егор. – Вика надела на лицо маску серьёзности и вцепилась в голубые глаза, стараясь ни на секунду их не отпустить. – Мы знакомы с тобой три года, с того момента, как нас обоих заперли в раздевалке.

Он улыбнулся, она – нет.

Он перестал улыбаться.

– Я, конечно, не считала, но по-моему ты избил по меньшей мере двадцать парней, которые хоть как-то обозвали меня. И это только при мне! Уверена, за моей спиной ты тоже отстаивал мою честь.

– Я не очень понимаю, о чём ты гово...

– Сейчас поймёшь. – Вика опустила голову, сделала глу-

бокий вдох, медленно выдохнула. Всю жизнь она руководствовалась правилом «Начала – закончи» и не собиралась сейчас нарушать его. Она долго собиралась с силами, но всё же собралась. – Я люблю тебя, наверное, так же сильно, как и маму. Мне хорошо рядом с тобой, нам хорошо рядом друг с другом, но кое-что меня в тебе пугает. Это твоя страсть к гневу.

Ладони Егора в руках Вики тут же напряглись. Сама она старалась оставаться спокойной, но жар уже начал разливаться по телу, сердце застучало быстрее, а воздух в лёгких нагрелся, стал чуть ли не обжигающим. И тем не менее когда Вика вновь заговорила, голос её не дрожал:

– Гнев – твоя слабость, Егор. Ты падок на него, понимаешь? Тут дело даже не в том, что ты меня защищаешь или не позволяешь другим оскорблять меня, тут дело в другом. Тебе просто нравится быть в состоянии войны с кем-то. Ты относишься к тем людям, которым противны мир и покой.

– Ты опять своей психологии начиталась? Слушай, Вик, я выброшу эти книжки и...

– Не перебивай меня! – Её крик эхом разнёсся в темноте, но его почти сразу же поглотила льющаяся со сцены музыка. – Дай мне, пожалуйста, договорить. Я просто хочу сказать, что ты перманентный воин, и тебе постоянно нужен кто-то для битвы. Этот парень, который сегодня назвал меня шлюхой, лишь дал тебе повод. Уверена, если бы все в мире относились ко мне как к ангелу, ты бы всё равно нашёл, ко-

му вмазать. Тебе нравится это, Егор – бить людей. Это видно по твоим глазам. Ты вообще задумывался, как выглядишь в драке?

– Наверное, как дикий зверь.

– Хуже. Как неконтролируемый дикий зверь. Ну и... к чему я всё это говорю? В общем... – Вика вновь опустила голову, огненные пряди её волос частично закрыли лицо, спрятав от всего мира. Пухленькие губы слегка сжались, ладошки вспотели, так что теперь пальцы скользили по коже Егора. А он ждал. Даже не перебивал её молчание, что было ему очень несвойственно. Наверное, именно ожидание Егора заставило Вику собраться с мыслями и озвучить главную из них: – Я боюсь, что когда-нибудь ты забудешься, и тогда гнев перейдёт на меня или мою семью. Знаю, звучит стран...

Егор взглянул на неё как на сумасшедшую. Вика терпеть не могла такой взгляд – под ним ты действительно чувствовала себя сумасшедшей, – но сейчас она чуть ли не с облегчением встретила его. Значит, ему показалась бредовой эта идея. Хорошо, очень хорошо. Зная Егора, можно было подготовиться к разным сортам ответов – от остроумных до откровенно тупых, – но этот простой взгляд был лучшим, на что только могла рассчитывать Вика. «Ты больная?», – спрашивал он. «Да, я больная! – отвечали её глаза. – И я хочу, чтобы ты об этом знал».

По большому счёту, в любви не бывает здоровых.

– Ты боишься, что когда-нибудь я ударю тебя?

Вика коротко кивнула, не в силах выдавить из себя ни слова, ни даже стопа. Она чувствовала удары сердца в горле, чувствовала, как по венам протекала горячая кровь, но больше всего она чувствовала другое – дыхание Егора. Почему-то весь мир уместился в его вдохах и выдохах; остальные звуки побледнели, почти растворились в закулисной полутьме. Вика продолжала смотреть в два ярких голубых огонька и ждала ответа на свой вопрос. Вопрос, который наконец-то задала.

– Господи, Вика, ты шутишь или нет? Ты... ты что, реально думаешь, что я могу тебя ударить? – На лице Егора медленно расплылась улыбка, а потом он и вовсе рассмеялся – так, как смеётся человек, только что понявший шутку. – Егор обнял Вику за плечи, прижал к себе и прильнул губами к огненной макушке, замерев на несколько секунд при соприкосновении губ с головой. – Послушай меня, детка, очень внимательно. Я люблю драться, да, здесь ты права. Может, иногда я слишком вспыльчив, но я работаю над этим, ты знаешь.

Его руки согревали Вику подобно домашнему камину. Она позволила себе расслабиться, закинуть ноги на скамейку, после чего медленно закрыла глаза. Теперь весь-весь мир уместился в приятный бас Егора. Такой голос хотелось слушать, такой голос нежно ласкал уши и поглаживал душу.

– Иногда я думаю, что мог бы вести себя спокойнее, мог бы не бить, а решить вопрос словами, ну, знаешь, как это де-

лают люди. Но никогда в жизни я не поднимал и не подниму на тебя руку. Шлепки по попе не в счёт. – Оба они улыбнулись, одновременно вдохнув горячий воздух. – Ты моя крепость, Вика. Я защищаю тебя, твою семью тоже, я никого из вас не ударю даже под пыткой. Тем более у твоей мамы божественные пирожки! Так, наверное, кормят в раю.

– Я ей передам.

– Теперь ты не переживаешь, моя дорогая Виктория? Я доказал тебе, что твои опасения напрасны?

Она чуть поёрзала и, найдя удобную позу, ещё сильнее прижалась к нему. Никто из них и не заметил, что дышали они в унисон, будто были единым целым, одним организмом: их груди одновременно поднимались, когда воздух насыщал собою лёгкие, и так же синхронно опускались. Казалось, даже их сердца бьются в одном ритме. Её аура, её энергетика слились в нежном союзе с его аурой, его нравом. Каждый из них дополнял другого, приумножая его положительные качества и отсекая дурные. Они были зеркальным отражением друг друга, но в то же время были и абсолютно разными. Они были примером друг для друга и помогали этому примеру становиться только лучше. Такие отношения являются редкостью в этом корыстном мире, и яркий их пример сидел сейчас за кулисами маленькой сцены в дешёвом, находящемся на краю банкротства ресторане.

– Ладно, я верю тебе, тигр. Я просто испугалась, когда сегодня посмотрела в твои глаза во время драки. – Перед Ви-

кой в темноте вспыхнула картина, которая запечатлелась в её памяти на всю оставшуюся жизнь: блестящая от лака барная стойка, осколки разбитых бутылок на полу, Егор, склонившийся над поваленным телом, и его кулак, что подобно рычагу взлетал и опускался, взлетал и опускался на чужое лицо – на физиономию того, кто назвал Вику рыжей шлюхой. – Я чувствую себя под защитой рядом с тобой. Просто на какие-то секунды я испугалась. Я уже поняла, что это бред. Прости, что задала такой тупой вопрос: «Ударить ли ты меня?» Ну, только если по попе – это я разрешаю.

Егор чувствовал, как голос её слабеет, как последние буквы её слов растворяются в воздухе и какой тяжёлой становится её голова на его плече. Она засыпала. Проваливалась в страну сновидений, туда, где с самого детства хранятся самые тёплые моменты – вымышленные и не совсем, – самые страшные отрывки ночных приключений по закоулкам собственного сознания и безумно личные переживания, создающие такие сны, большинство из которых останется с ней до конца жизни. Веки её прикрыли глаза, а пухленькие губы чуть приоткрылись.

То, как она засыпала, согревало Егору сердце и разливалось теплом по всему телу: от груди и до кончиков пальцев на руках. Видеть, как отдыхает твой любимый человек после и вправду тяжёлого дня, смотреть на то, как уголки его губ медленно поднимаются, пока мозг режиссирует приятный ему сон – наверное, одно из лучших чувств в челове-

ке, порождающее заботу к спутнику своей жизни. Даже если этот спутник скоро покинет орбиту.

Вика задремала и уже приближалась к хоть и не глубокому, но всё же сну. Егор положил ладони ей на предплечья и, чуть сжав их, резко начал трясти её:

– ПОДЪЁМ! ПОДЪЁМ! ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ! УИИИИИУУ! УИИИИИУУ!

– Ай! – Она дёрнулась и поджала плечи. Егор ослабил хватку и тут же вскрикнул, когда Вика ущипнула его за ладонь. – Дурак, блин! У меня чуть сердце не остановилось! – Игривая улыбка засияла на её лице. – Фиг я тебе дам заснуть сегодня ночью!

Их взгляды снова встретились, и, не говоря ни слова (лишь улыбаясь друг другу), они успели перехватить все мысли, пролетавшие друг у дружки в головах.

– Да нет! Не в этом смысле, дурашка! – Вика засмеялась, и смех её спросонья ещё не успел набрать ту силу, что заряжала позитивом всех окружающих её людей, поэтому он просто слабо разнёсся по комнате и отозвался мелодичным пением в груди Егора. Он прижал её к себе и тут же прильнул к губам. Поначалу она ещё пыталась что-то сказать, но в итоге сдалась, и теперь её огненные, палящие ярким пламенем волосы не скрывали их лиц. Их губы не желали отпускать друг друга, их языки танцевали бурное танго, и каждый раз, когда они соприкасались, нижняя часть живота Егора наливалась свинцом, а в паху, казалось, с каждой секундой становилось

всё меньше и меньше места.

Он пустил ладонь ей под футболку и, пройдясь по гладкому горячему животу, нащупал чашечку её бюстгалтера, сдерживающего упругие груди. Он чувствовал пыл, исходящий от неё. Она чувствовала страсть, кипящую в нём. И никто из них не заметил, что их сердца хоть и бились с бешеной скоростью, но всё же смогли поймать ритм друг друга и стучали в одном такте, отдаваясь общими ударами в разных грудях. В разных, но крепко связанных меж собой мужчине и женщине.

– Помогло взбодриться? – шепнул он ей на ухо.

– Не здесь. – Она накрыла его руки своими и потянула их вниз, с неохотой, но с пониманием, что именно так и нужно сделать. Её спина резко выпрямилась, и слабый стон вырвался из груди, когда подушечка его большого пальца проскользнула по её напрягшемуся соску. – Егор... – Дыхание стало неровным и обжигающим кожу. Частым, опережающим удары сердца. – Егор, хватит. – Слова просили об одном, а нотки желаний в её голосе – совсем о другом. И Егору больше нравился второй вариант.

Температура их тел превысила температуру поверхности солнца. Они пылали. Они горели. И не давали погаснуть друг другу ни на секунду.

– Ёк-макарёк! Шо за страсти!

Они замерли, будто попали на плёнку фотоаппарата. Их глаза широко раскрылись, и первые пару секунд они так и

сидели в той позе, будучи в которой слышали лестный комментарий: сцепленные намертво губы, приподнятая на Вике футболка, под которой копошилась чья-то ладонь, и её ручки, слабо сдерживающие его более сильные руки, украшенные выступающими вдоль венами.

Будто по команде они оба оторвались друг от друга и обернулись в сторону отвлѣкшего их голоса. Перед ними стояло четверо пожилых мужчин, и на лице каждого из них играла озорная улыбка. Застукать целующуюся парочку, когда ты уже размениваешь шестой десяток, и видеть, как их щѣки со скоростью света заливаются краской, заставляет вспомнить, как когда-то ты сам, уже дряхлый старик, своим орехоподобным попенгагеном привлекал взгляды многих девчонок со всего двора. Вспоминал, как извинялся перед своей любимой (тогда казалось, что в мире не сыскать девушки лучше) за то, что случайно, в порыве страсти порвал её блузку. Целующиеся пары напоминали им их самих в молодости. Пожилые мужчины с завоёвывающей голову сединой, чей аппарат хоть и стал подводить всё чаще и чаще, но всё так же был не против прокатить на себе случайно забредшую ковбойщицу. Они будто бы смотрели в зеркало, показывающее их старое доброе прошлое.

И надо ли говорить, вызывало ли это у них улыбку?

К четырѣм мужчинам – двум ударникам, одному гитаристу и саксофонисту – присоединился пятый – судя по всему, их солист. Они закончили своё выступление и, явно до-

вольные собой, собирались прогнать пару кружек пива, пока их жёны – хвала Господу за болтливых подруг – не узнали об окончании «гастролей». Да и пойдут; что может отбить желание ощутить вкус прохладного пива во рту? Да ничто! Просто у них теперь появилась ещё одна тема для бесконечных разговоров – их славное прошлое и их игривые девчонки, большинство из которых вот уже несколько лет смотрят влюблёнными глазами на крышку гроба.

– Ну что вы смущаете молодых-то, а? Старые пердуны! – сказал солист и залился смехом – отрывистым, дающимся с трудом после такой нагрузки, в нотках которого была слышна слабая-слабая хрипота. – Пойдём, Bad Boys! – Он махнул всем рукой и направился к гримёрке, подмигнув Егору, когда проходил мимо.

Все Bad Boys – старые телами, но молодые духом – пошли за ним, и один из них (вроде бы ударник) схватил Егора за локоть и, чуть нагнувшись, шепнул ему на ухо:

– Не позволяй никому сбить тебя с пути.

И ушёл. Просто ушёл, оставив после себя витающее облачко сухих духов, смешанных с резким запахом мужского пота. Дверь в гримёрку закрылась, и до Егора донеслась фраза: «Ты уже задолбал всем это говорить!». Скрипучий смех старых голосовых связок. Обмен любезностями в сторону друг друга а-ля: «Влад, это что за страхолюдина только что пробежала? Твоя жена?» – «Это было зеркало, кретин». Снова прерывистый смех, всё удаляющийся и удаляющийся.

И в конце концов – полная тишина. Лишь звон посуды да голоса посетителей раздавались из зала.

– Что он тебе сказал?

Вика смотрела на него, и он с удивлением заметил слабую тревогу в её глазах. Лишь бледный её призрак, но всё же достаточно видимый, чтобы заметить его.

Егор выбрал лучшую улыбку из своего арсенала и натянул её на лицо. И это сработало. Вика улыбнулась в ответ, но в глазах её всё так же стоял вопрос.

– Да предложил выпить с ним. Я бы пошёл, да вот только, – он взглянул на неё, – думаю, рядом с нами постоянно будет ошиваться какая-то девица с ярко-рыжими волосами, всё время прикрывающаяся газетой.

– Да вы посмотрите на него! – обратилась Вика к отсутствующим зрителям. – Будто я всегда слежу за тобой! Можно подумать, я только и делаю, что хожу за тобой по пятам с биноклем в руках!

– Тогда почему у меня никогда нет непрочитанных сообщений?

– Ты... – Она запнулась, не зная, что ответить. Он всегда умел выбрасывать именно те фразы, что вгоняли её в ступор, заставляя напрягать все извилины мозга, чтобы вынудить хоть какой-то ответ. – Ты сам их читаешь! И вообще, какая разница, что я д...

– Тишшш... – Он прижал палец к её пухленьким губам – таким манящим и сладостным, что Егор с трудом подавил в

себе желание поцеловать и почувствовать слабое движение её языка. – Слышишь?

Весь ресторан заполнил мелодичный голос мужчины, объявляющего горе-исполнителей и те песни, что они будут петь (или пытаться петь). Без всякого интереса, но с ласкающим уши тембром и тоном голоса, мужчина произнёс в микрофон:

– Дамы и господа, собравшиеся этим вечером в нашем любимом ресторане «У Жоры». Да, какой раз я уже говорю, что можно было бы выбрать название и получше, но теперь, когда основатель этого заведения уже давно покоится на небесах, мы без зазрения совести можем сказать, что вы здесь заказываете только райскую еду! – Мужчина широко улыбнулся, демонстрируя всем посетителям идеальные белые зубы. – Но помимо райской еды у нас ещё есть юные таланты, которые – кто знает? – в будущем могут стать...

– Долго он будет трещать? – спросила Вика, наполовину стоящая в полутьме за кулисами.

– Без понятия. Он обычно любит языком поработать.

Она посмотрела Егору в глаза и не смогла сдержать улыбки, образовавшей небольшие ямочки на её щёчках.

– Прямо как ты.

Он заулыбался и легонько шлёпнул её по ягодице, скрывавшейся под подолом платья. Склонил голову, чтобы сказать ей на ухо, что её язык с его просто не сравнится, но тут мощный голос сотряс их барабанные перепонки:

– ...на этих ребят, эту пару! Встречайте! Егор Верёвкин и его верная спутница – Виктория Краева!

– Погнали. – Юный кавалер обнял свою даму за талию, и они вместе направились навстречу свету, выходя из мрака; навстречу слабым аплодисментам, быстро затухающим на фоне бешеных ударов сердец; навстречу крохотной сцене и Великим мечтам, что начинаются с маленьких шажков.

Они ещё секунду пробыли в тени и вышли на свет.

Глава 2

Герои

Они уже не первый раз выступали на этой сцене. Те же поскрипывающие досочки, та же неработающая разбитая лампа одного из прожекторов и те же незаинтересованные лица, изредка отрывающиеся от своих тарелок. Все поглощены своими проблемами. У молодой девушки, сидящей за самым неприметным столом, неделю назад случился выкидыш. А ещё за неделю до этого её молодой любовник поимел совесть смыться, предварительно поимев её ещё раз.

Зрелый мужчина, прислонившийся лбом к недопитой кружке пива и в волосах которого слишком рано стала просвечиваться седина, вновь и вновь прокручивал в голове тот момент, когда к нему в кабинет без стука зашла секретарша и сказала, что его сын умер. Сбила чёртова машина.

Смеющиеся за большим столом женщины, которые в кое-то веки смогли оставить детишек с их отцами и теперь могут отдохнуть в кругу своих школьных подруг. Каждая из них сейчас счастлива, и улыбки сияют на их лицах. Но и на их пути – на пути каждой индивидуально – встанут такие трудности, которые покажутся самыми страшным, самым ужасным испытанием в их жизни, что лучше и не пытаться преодолеть. Но если они переселят ту боль и найдут в себе силы

идти вперед, то дальше – насколько дальше, никто не знает – их обязательно, да, обязательно! – встретит сияние, освещающее их дальнейший путь. И как они будут счастливы, чувствуя, как этот яркий свет счастья своими лучами согревает их кожу. Как они – люди, преодолевшие тьму на пути к свету – будут улыбаться, понимая, что заслужили отдых после столь тяжёлой работы. Физической, моральной, интеллектуальной или душевной – неважно. Важно то, что эти люди смогли найти в себе силы и стать героями для самих себя.

Героями...

Ни Егор, ни Вика не знали о проблемах посетителей ресторана; они сохранялись в головах своих хозяев, будучи прочно запертыми за стальными дверями разума. Но сейчас, когда их силуэты появляются на крохотной сцене, они, сами того не подозревая, скоро станут колоссальным источником вдохновения для каждого, сидящего сейчас в зале ресторана. Когда голоса Егора и Вики слились в унисон, а фраза «Инакрыла сознание всех посетителей, у каждого из них что-то мелькнуло в голове – какой-то образ, расплывчатый и непонятный, но почему-то безумно знакомый. Это был образ их героя. И лишь единицы, выйдя из ресторана в поток ночи, поняли, что этот образ – это они сами.

Каждый человек является героем для самого себя и своей жизни.

Пока микрофоны усиливали голоса поющих – этой прекрасной пары, символизирующей вечную юность и влюблён-

ность, – сердца всех слушающих вспыхнули ярким пламенем и загорелись надеждой; вспыхнули желанием действовать и ввели силу в их кровь, что разносила её по всему телу. Энергетика, исходящая от молодой пары, заставила волной пробежать мурашки по телам посетителей, помогла им найти в себе очаг их сил и подсказать, как разжечь его ещё больше, суя под руку банку с керосином. И только сам человек решал, что делать с этой банкой: кинуть её в центр огня и почувствовать, как расправляются плечи под приливом сил, или просто поставить её на пол и убежать прочь, обманывая себя, что ты никогда и не находил этот чёртов источник, этот грёбанный очаг.

Мы нуждаемся в героях. Каждый из нас. Нуждаемся в тех, кто будет дарить нам веру в самих себя и вдохновлять нас – людей, потерявших себя в сером потоке течения жизни – поднять голову и увидеть то, что может ослепить многих. Прочувствовать это недостижимое, почувствовать твёрдость стержня внутри себя и начать прорываться сквозь давящую толпу, пока ты один идёшь в совсем другую сторону. Туда, откуда бегут они.

Герой для каждого может быть свой – индивидуальный образ, к которому мы стремимся и чьими качествами мы восхищаемся. Именно герои любых произведений – фильмов, книг, видеоигр или реальные личности, – в которых мы влюбляемся, делают нас лучше, заставляя расти, работать над собой. И лишь немногие люди способны найти героя в

себе – казалось бы, самом обычном человеке, который даже не подозревает, что способен перевернуть мир.

Но пока над Санкт-Петербургом сияли звёзды, а ночной воздух влюблял в себя гуляющие пары, в маленьком ресторане на отшибе города голоса Егора и Вики сливались в сердцах слушающих, показывая им, что герои их жизни – они сами.

И некоторым это подарило надежду.

Глава 3

Пиво с молоком

Чайник достиг предела кипячения воды и издал характерный звук, после чего стал утихать. Его шум продолжал доноситься, когда на кухне – точнее, жалком подобии кухни, которую они еле-еле смогли обставить – включился свет, слышались шаги босых ног по дешёвому линолеуму, и через секунду открылась дверца жужжащего холодильника.

Владислав Боркуев стоял на кухне в одних семейных трусах, тупо пялясь в содержимое холодильника. Уже начавшийся зарождаться пивной живот был чуть выпучен вперёд, явно давая понять своему владельцу, что недалёк тот час, когда только ремень будет способен сдерживать нависшее пузо. Его широкие плечи и хорошие мышцы на руках напоминали о тренировках в молодости, хоть ему и было всего тридцать три. Вены, обволакивающие его руки, ясно говорили, что тело всё ещё в тонусе, но, продолжи он соревнования по количеству выпитого пива, мало что останется от его мышц и атлетического телосложения, восхищавшего всех девчонок в школе, когда он снимал с себя футболку.

Сейчас же его взгляд упёрся в орду различных йогуртов, расположившихся на средней полке – прямо напротив его усталых зелёных глаз, под которыми начали пролегать сла-

бые тени недосыпа. Его тёмно-русые волосы плавно перетекали в густую бороду, в последнее время достававшую всё больше и больше. Таким взлохмаченным и неопрятным, как сейчас, он никогда в жизни не осмелился бы показаться перед своими учениками – подростками, твёрдо уверенными в том, что всё они знают и всё они контролируют.

На деле ни хрена никто ничего не контролирует. По крайней мере, Влад в это не верил.

Он закрыл холодильник, так ничего и не взяв. Вместо этого открыл верхнюю дверцу шкафчика, достал молотый кофе и небольшую сахарницу. Проявив навыки кулинарии, он насыпал в кружку смесь сахара и молотого кофе, залил это кипячёной водой, размешал всё добро, стараясь не греметь ложкой о стенки кружки, чтобы не разбудить спящую жену, и добавил холодное молоко, после чего вновь размешал полученное зелье. Кофе это назвать было тяжело, так как этот порошок, что он залил кипятком, мог сойти разве что за прах погибшего.

Эта мысль ужаснула его, но лишь на мгновение. Зная, что он здесь один, позволил себе улыбнуться, найдя эту мысль забавной и по-своему привлекательной.

Влад взял кружку с нарисованным на ней весёлым зайчиком и поставил её на скатерть стола, после чего вышел из кухни. Спустя некоторое время вернулся с небольшой стопкой тетрадей тех учеников, что соизволили сдать сочинения сразу, а не доносить их неделями, придумывая нелепые отго-

ворки, как только он начинал на них давить. Положив стопку на другой край стола – как можно дальше от кружки, – Влад взял верхнюю тетрадь и, вооружившись красной ручкой, стал их проверять.

Пока он подвергал своей оценке работы учеников, он наливал кофе ещё два раза, успокаивая себя тем, что нашёл достойную замену пиву. С каждой проверенной тетрадью он всё больше разочаровывался в своих учениках и всё больше удостоверялся в примитивности содержания их сочинений. Оставив пару непроверенных тетрадей, встал из-за стола, сделал себе бутерброд с колбасой (мысленно наказав себе обязательно помыть руки), заварил чай с двумя пакетиками и добавил ложечку сахара. Размешав его и не вынимая пакетиков, Влад подошёл к окну – с бутербродом в одной руке, с кружкой чая – в другой, одетый лишь в одни семейные трусы.

Он смотрел на простирающееся внизу шоссе и уходящие вдаль жёлтые огни. Чем дальше располагались освещающие дорогу фонари, тем меньше становился интервал между маленькими жёлтыми огоньками. Они слились в одну солнечную линию, ползущую вдоль дороги, скрываясь вместе с ней за горизонтом. Влад откусил четверть бутерброда и, прожёвывая деяние своих кулинарных способностей, посмотрел на звёзды, сияние которых сегодня было не тусклым, как это бывает всегда, а невероятно ярким, манящим и сладостным. Блеск свободы и независимости был в этих звёздах, и, каза-

лось, Влад влюбился в них . Влюбился и полюбил. Так, как не любил ни жену, ни мать, никого на свете. Лишь звёздам полностью открылось его сердце. И, сам того не замечая, он заулыбался. Заулыбался искренней, излучающей простую, ничем не прикрытую радость улыбкой счастливого человека.

Прикончив бутерброд и запив всё чаем, Влад последний раз взглянул на звёзды – такие близкие и далёкие одновременно, – помыл руки и, хорошенько вытерев их, снова сел за стол. Ему осталось проверить две тетради. Всего две тетради, а сон уже утаскивал его в свою кроватку и напевал убаюкивающую колыбельную, хоть он и выпил три чашки кофе. Читать и уж тем более анализировать ту чушь, что ученики написали в сочинениях (точнее, что их заставили написать), никак не представлялось возможным. У него уже просто не оставалось сил. И Влад уже решил отложить проверку этих двух тетрадей на завтра, когда взглянул на одну из них и прочитал на ней имя владельца: «Егор Верёвкин». Что-то (что конкретно, Влад так и не понял) заставило повременить его со своим решением и заглянуть в тетрадь.

Он открыл её.

Она была исписана вся, от корки до корки. В спешке записать свои мысли парень перешёл на обложку, сокращая интервал между словами. Почерк его, по мере заполнения страниц, становился всё хуже и неразборчивее, уступая место скорости, нежели красоте и эстетике. Сочинение было огромным, и любой другой проверяющий, лишь взглянув на

бесконечные потоки синих чернил, не задумываясь, поставил бы «два». Но Влад не был обычным проверяющим. Он многим отличался от таких, хоть и преподавал детям русский язык наравне с коллегами. В отличие от всех них (за исключением разве что старика Степана Арсеньевича) у Влада имелись мозги. И разум его не смогли промыть и запрограммировать, как сделали это со многими учителями, которые сейчас сами программируют мозги новому поколению.

И это выводило его из себя.

Он терпеть не мог систему образования своей страны – оупляющую, создающую глупых роботов, выполняющих одну и ту же работу и неспособных мыслить. И Влад даже не подозревал, как схожи его мысли с мыслями Егора Верёвкина, чью тетрадь он сейчас держал в руках.

Расходились их мнения лишь в одном, но всё равно продолжали течь в одном русле общих мыслей: Егор оценивал ситуацию со стороны ученика, Влад же – со стороны преподавателя.

Он взглянул на крупный заголовок сочинения и тихо засмеялся. Жирные, несколько раз обведённые буквы кричали со страницы: «**ГРЁБАНОЕ СОЧИНЕНИЕ**». Влад отложил тетрадь, подошёл к холодильнику и, так уж и быть, разрешил себе достать одну баночку пива. Открыв её и услышав приятное шипение, он удобно устроился на стуле и, предвкушая приятные минуты за чтением сочинения мыслящего ученика – а Влад давно заметил, что Егор относится к меньшин-

ству тех людей, что ещё не разучились пользоваться своими мозгами, – взял его тетрадку. Он сделал небольшой глоток и ощутил приятную горечь во рту. По стенкам горла волной пробежал приятный холодок только что вынутого из холодильника напитка, и после долгого перерыва от алкоголя первый глоток подарил ему слабые помехи в голове и приятное, чуть расслабляющее состояние.

Он снова взглянул на исписанную тетрадь, снял оковы, сдерживающие его бушующие мысли, и позволил им встретиться с мыслями молодого парнишки, образовать некий симбиоз общего видения.

Влад выпил ещё немного пива и начал читать.

ГРЁБАНОЕ СОЧИНЕНИЕ

Сразу хочу попросить у Вас прощения, Владислав Викторович. За то, что я планирую изложить в этом сочинении, и за то, каким – если можно так выразиться – тоном я буду рассказывать Вам всё то, что накопилось во мне, перенеся все свои суждения – верные или нет (скорее всего, верные) – чернилами на бумагу.

И ещё хочу попросить прощения за то, что – я более чем в этом уверен – займу своим «творением» у Вас довольно много времени. Хотя, кто знает, быть может, мой поток слов иссякнет так же быстро, как и начался.

Сам не люблю подобные прелюдии, но перед тем как я перейду к главному, должен попросить Вас о кое-чём важном.

Я не хочу, чтобы моё сочинение попало в руки кого-то другого, кроме Вас. Я в Бога не верю, но для красоты словца скажу: Слава Всевышнему, что именно Вы – мой преподаватель русского языка и литературы. И я говорю серьёзно. Вы, в отличие от многих учителей – да чёрт! практически всех! – не лишены чувства понимания. Но что самое главное – Вы **учите** детей, а не подводите их под уже придуманный кем-то алгоритм. Ну, или пытаетесь учить. Потому что, к великому сожалению, помимо Вас нас обучают (пardon – делают вид, что обучают) другие учителя, выполняющие свою работу исключительно ради денег. Поэтому, раз уж Вы задали сочинение на свободную тему, я решил написать его про наше образование. И написать его именно Вам. Да, своему препода по русскому. Любой посчитает меня сумасшедшим, но я уверен в правоте своих действий, как и в том, что пишу я это человеку, способному меня понять.

Что ж, пожалуй, начну.

Не хочу показаться лицемерным, но и для Вас не является секретом, что моё поколение в большинстве своём – отупевшие ослы, видящие радость в таких примитивных вещах, как встретиться вместе и бухнуть до полусмерти, повтирать в дёсна новенький порошок, курить всякое дерьмо, убивая свои лёгкие, и, мать его, гордиться всем этим! И раз я принялся говорить искренно, то признаюсь, что пробовал покурить сигарету, но только единожды и то лишь из любопытства.

Все ж мы люди.

Так вот, о подростках нашего дивного нового мира. Точнее, о большинстве из них; всё же остались драгоценные рубины юных талантов в плавно текущей серой массе, на плечах которых и будет держаться этот мир.

Ставлю ва-банк на то, что моя тетрадь уже провоняла цинизмом, да? С неприязнью я начинаю замечать, что циники во многом бывают правы. Это бросается в глаза, но я отказываюсь верить в их правоту. Слишком уж она отвратительна.

Многие юноши и девушки, ещё не достигшие психологической зрелости, пускают свой организм по весёлому аттракциону, проходящему через тоннели пьянства, мёртвые петли ломок, карусели сексуальных оргий и разбросанных вокруг них порванных презервативов. И делают они это не по собственному желанию, хотя им именно так и кажется. Они считают это **правильным**. Но вся соль в том, что их **заставили** считать это правильным, хоть сами полны уверенности в том, что это **их** личная воля, **их** осознанный выбор. Но угадайте, откуда у них такая уверенность в выборе собственного пути и самое главное – почему многие соскальзывают именно на эту дорожку, ведущую, казалось бы, через одни лишь наслаждения?

Вопрос достаточно сложный и уж тем более не предназначен для моего семнадцатилетнего мозга. Такими вопросами должны заниматься профессиональные психологи, но всё же я попробую на него ответить.

Я считаю, что главной причиной всего является страх, который порождает глупые, но оказывающие огромное влияние на молодёжь стереотипы. Косвенный это страх или прямой – неважно. Важно то, что мозг подростка подобен пластилину, способному принимать любые формы, и губке, впитывающей в себя всё, что только может впитать.

И вот здесь я хочу плавно перейти к теме воспитания, прежде чем начать обсуждать образование. Ведь именно из воспитания личности со временем появляется образование, что, несомненно, необходимо нашему обществу, но не в том виде, в котором его преподносят в нашей стране.

В современном мире огромное влияние на воспитание детей оказывают теперь не только родители, но и всё окружение их детишек. В это число входят сверстники, преподаватели, обычные прохожие и, конечно же, СМИ. И под СМИ я имею в виду не телевидение или прессу, а различные видеохостинги, наполненные каналами всяких придурков, которые становятся кумирами подростков и даже детей благодаря своим поступкам. И весь ужас в том, что поступки эти отвратительны.

Но основное влияние на мировоззрение подростков после родителей (всё же они оказывают самое большое влияние) находится у сверстников – их основного круга общения. И здесь я хочу напомнить, что человек – существо социальное, поэтому старается быть «своим» (зачастую именно в юношеском возрасте) в том обществе, в котором больше всего про-

водит времени. В нашем случае – в школе. А там, как мы знаем, нет особых критериев поступления, поэтому не редкостью являются ослы, шатающиеся по школьным коридорам.

Страх. Снова возвратимся к нему.

Первым, на мой взгляд, является страх быть непринятым обществом, окружающим тебя каждый день. То есть сверстниками. И если кому-то вдруг в голову ударила какая-то идея – как правило, не самая лучшая, – её подхватывают все, если она соблазнительна и пахнет запретом, бунтарством, неповиновением прописанным правилам. И что делает тот подросток – парень или девчонка, – когда видит, что его начинают признавать вне круга сверстников, потому что его мнение противоречит мнению общества, окружающего его или её? Конечно, поддается общему потоку и, по его мнению, вливается в социум и становится «своим». И вот поэтому, чтобы не потерять себя, следует научиться говорить «**НЕТ**» и не бояться быть непонятым. По-моему, подростку нужно ответить самому себе на очень интересный вопрос. Точнее, даже два: *«Кем я хочу стать»* и *«Чего я по-настоящему хочу»*. И уже отталкиваясь от своих ответов, следует смело говорить «**НЕТ**» тому, что будет мешать тебе становиться тем, кем ты хочешь стать, кем ты хочешь видеть себя в будущем.

Как сказал Элайджа Камски: «Идеи – это вирусы, поражающие общество». И если чувствуешь, что идеи эти способны навредить тебе и не принести абсолютно никакой пользы, то

тогда нужно научиться отказываться от них, даже если это развернёт тебя в потоке общества.

Если поинтересоваться биографией знаменитых людей – и здесь я говорю о людях, достигших славы своим трудом, – то можно с удивлением заметить, что все из них в разной степени шли против общества или против системы, ломая любые стереотипы и не боясь говорить «**НЕТ**» соблазнам. Именно на таких людях и держится мир. На тех людях, что не боятся разжечь яркий огонь в своей голове, пока головы всех остальных окутаны во тьму и никогда не увидят ослепляющей искры бушующего внутри пламени. Огонь всё разрастается в твоей груди, голове и глазах, пока остальные, поглощённые чернотой, начинают критиковать твою отличность от всех, твою излишнюю яркость, и критика их, неконструктивная и глупая, порождена страхом твоего успеха и завистью, вкупе с презрением к себе, к собственной лени и трусости. Они хотят гореть так же, как горят те, что начали идти к своей мечте, но боятся, что не смогут преодолеть это без общества; что будут слишком отличаться. Они попросту боятся зажечь свой фитиль. Но некоторые, увидев это яркое пламя решительности в идущих вверх людях, вдохновляются ими, ловят пролетающую рядом искру и поджигают себя ей, усиливая силу огня свои сердцем. Они идут – люди, горящие ярким пламенем мечты, окутанные контуром огня, пока все остальные – критикующие их и говорящие, что каждый из них делает что-то неправильно – отходят, отступают

во мглу, спотыкаются и падают вниз, а в это время пылающие силуэты поднимаются вверх. К свету. Мечтам. Успеху. И Славе.

Поэтому и следует обращать внимание на своё окружение и проводить время с теми людьми, что не будут тянуть тебя вниз и мешать расти, а с теми, что имеют подобный огонь в своих глазах; людьми, поддерживающими тебя, которые способны искренне радоваться твоему успеху.

Вот это меня занесло, да? Я же даже не перешёл к образованию. Бывает у меня такое: начну развивать мысль и по ходу её развития подхватываю ещё парочку, по полвека рассматривая каждую. Поэтому у меня было всё хреново с краткими сочинениями и изложениями. О Господи, последние – вообще чудища, рождённые Министерством образования.

Как раз об образовании – этой больной теме нашей страны. Полагаю...

– Чего не спишь?

Влад подпрыгнул, чуть не расплескав оставшееся пиво на страницы тетради. Он поднял глаза и увидел стоящую у входа в кухню жену. Прислонившуюся к дверному косяку, с чуть опухшим ото сна лицом, щуриющимися глазами, взлохмаченными светлыми волосами, доходившими ей до плеч, пухлыми красными губами и полностью голая, одетая лишь в тапочки. Её упругие груди выпирали вперёд, а бёдра, поженски округлые, свободно дышали, освободившиеся от по-

стоянно прикрывающей их одежды. Её ноги, не модельно стройные и не созданные для обложек журнала, всё равно привлекали Влада своим видом и каждый раз заводили в постели.

Он отложил тетрадь и поставил наполовину выпитую банку пива на стол, но не отпустил её, а продолжал держать. Улыбнувшись, спросил:

– Это ты чего не спишь, Оля? Мне можно – я сочинения проверяю.

– Да я молочка выпью и лягу. – Оля подошла к холодильнику и открыла его, поёжившись от веющего из него холода. Её соски набухли, а кожа покрылась мурашками. Нетронутой ими она осталась лишь на левом плече, чуть выше ключицы, где был неровный, с отрастающими ветками шрам. Чуть выпуклый, обведённый контуром алого по краям, он принял форму той части осколка, что прорвала плоть Оли в том месте при аварии.

Влад встал и подошёл к ней, положив руки на её бёдра и прильнув губами к шраму, сильно выделяющемуся на таком бледном теле.

– Как он?

– Почти не болит. Проходит потихоньку, с ним всё хорошо. А вот холодильник сейчас начнёт трещать, если я не возьму молоко. Отойди-ка.

Но Влад не успел отойти, как Оля перегнулась через него и выхватила из холодильника почти пустую бутылку моло-

ка. Подошла к столу и, театрально вздохнув, повернулась к Владу:

– Вот скажи мне, красавчик, сколько раз я просила тебя ставить грязную посуду в раковину, а не оставлять где попало? – Она взяла кружку с нарисованным на ней весёлым зайчиком и налила туда молока. – Но тебе повезло. Я буду из неё пить.

– Неужели? – Влад добавил нотки игривости в свой голос и, как ему показалось, слегка переусердствовал. – На меня не обрушится гнев суровой хозяйки?

Улыбка заиграла на её лице, и тут он впервые заметил слабые сеточки морщин у голубых глаз. Первая седина просочилась в её волосы ещё шесть лет назад, когда ей только-только исполнилось тридцать – этот пугающий молодых девчонок возраст. Влад хорошо помнил тот вечер, когда один из боингов, пролетая над Атлантическим океаном, резко начал снижаться, с каждой секундой приближаясь к густым облакам, хотя сам он в этот момент находился дома. Хоть Оля и стюардесса и должна в таких ситуациях успокаивать впавших в истерику людей, но тогда её саму окутал страх, перемешавшийся с быстро нарастающей паникой. Она позвонила Владу и полчаса признавалась ему в любви, захлёбываясь слезами и пугая его самого до самой глубины души, пока пилот не выровнял самолёт и не сообщил всем пассажирам, что их жизни снова в безопасности. Никогда в жизни Влад ещё не слышал такой мёртвой тишины, повисшей в трубке теле-

фона. Спустя пару часов он встретил её у порога, и их губы ни на миг не отрывались друг от друга до самой спальни, после чего у них был самый чувственный секс за всё время – полный безумной любви, наполнивший всю комнату сильнейшей энергетикой, что, казалось, будто витает в воздухе, мыслях, сердце, душе, и каждая клетка их горячих тел была пропитана ею, дышала ею, пульсировала с бешеной скоростью, пока слёзы остывали на её пылающих щеках.

И вот тогда, сразу после секса, когда вдвоём они пошли в душ, Влад впервые заметил нити серебра на её висках, но решил промолчать. На следующий же день она покрасила волосы, не изменяя своему природному цвету – сводящему с ума блонду. Влад больше никогда не видел ни одного её седого волоса, и никогда меж ними не поднимался разговор об этом.

Сейчас, смотря на её слабые морщинки у самых глаз, образованные улыбкой, он невольно вспомнил всё это. Увидев, что Влад так пристально в неё вглядывается, Оля спросила:

– Что-то не так?

Он пришёл в себя и ответил так же быстро, как и забыл про её седые волосы:

– Да до сих пор поверить не могу, что из самых вредных вредин в этом мире мне досталась самая вредная.

Оля мгновенно улыбнулась, подошла к Владу и, всё ещё держа кружку, легонько ударила его в грудь кулачком. Глядя на него снизу вверх, она сказала:

– Сейчас вылью это всё тебе на лицо, остряк.

И поставила кружку в микроволновку, колыхнув бёдрами из стороны в сторону, зная, что он смотрит на неё. Установила минуту нагрева, вышла из кухни и практически тут же вернулась, по ходу надевая его футболку – слишком большую для неё и висящую на ней полотном.

– Так что за сочинения, мой дорогой любимый муж?

– Очередной бред. У них была свободная тема, и вот здесь их мозги начали биться в панике. Кто что понаписал. Один, самый отбитый в классе, поведал мне историю о своём первом сексуальном опыте, – польщённый Олиным смехом, Влад продолжил: – Я так понимаю, половина, если не больше, его увлекательных приключений в борделе – сплошная выдумка больного гормонами мозга.

– Ну почему сразу больного-то? – Оля хихикнула. – Может, мальчишка просто мечтает о чьих-нибудь сисечках, вот и решил поделиться с тобой своими желаниями.

– Думаю, его мама будет очень рада, когда увидит его похотливый рассказ. Я же их предупреждал, что это будет показательное сочинение. Чем он только думал, когда писал это? Сомневаюсь, что головой.

– Головой, – Оля медленно улыбнулась, – но, похоже, не той.

Микроволновка коротко пискнула, прервав их разговор. Оля вытащила кружку и, усевшись на стул и подтянув к себе ноги, начала маленькими глоточками пить разогретое моло-

ко. Влад видел лишь яркие голубые глаза, пристально смотревшие на него. Он прожил с ней достаточно долго, чтобы по одним только искоркам в её глазах понять, когда она улыбается. И у него самого поднялись уголки губ, когда Оля, отпрянув от кружки, с белой линией молока над верхней губой, сказала ему:

– Решил побаловать себя? – Она мотнула головой в сторону стоящей на столе банки пива и с удовольствием заметила лёгкое смущение, возникшее на лице Влада, что читалось для неё подобно открытой книге.

– Да, немного. Среди кучи этого бреда, – он указал на стопку проверенных тетрадей, – откопалось что-то достойное. У меня есть такой ученик – пришёл только в этом году из другой школы – Верёвкин Егор, и он с первого дня мне сразу понравился. Его нрав и стремление к чему-либо восхищают меня. Его суждения бывают неверны, и зачастую его упёртость может граничить с упёртостью быка, но я вижу, что он хороший парень, и он мыслит, Оль! Мыслит! Ты не представляешь, какая это сейчас редкость среди учеников!

– Мной бы ты так восхищался, как этим твоим Егором. – Она помыла кружку и, вытирая руки, спросила. – А как это относится к пиву?

– Он написал отличное сочинение на тему образования и воспитания.

– Настолько отличное, что аж заставило тебя открыть холодильник и достать пиво? – Она улыбнулась и, подойдя к

нему, поцеловала в губы. – Долго не засиживайся, хорошо?

– У меня завтра выходной.

– А ты разве не хочешь начать день с утреннего секса?

Оля вновь поцеловала его и почувствовала улыбку, растянувшую его губы. Он положил ладонь ей на бедро, прикрытое свисающей футболкой, и плавно провёл по нему. После того как их губы разъединились, он тихо проговорил:

– Умеешь ты уговаривать.

– А то. Я, конечно, бабулька, но всё ещё помню кое-какие приёмы.

Напоследок она ещё раз прильнула к его губам, прямо как тогда, будучи подростками, стоявшими в тених подъездной арки, они также прильнули друг к другу, целуясь страстно и неумело, не жалея своих языков и не обращая внимания на взгляды редких прохожих.

Влад с лёгким удивлением заметил, что полон гордости как за себя, так и за свою красавицу, сохранившую к тридцати шести годам фантастическое тело, естественно, не лишённое изъянов (недавно появившийся варикоз пролил краски чернил на её ноги), но вполне удовлетворявшее Влада. Он был горд за них, и в первую очередь за то, что пройдя множество трудностей, бытовых проблем, так часто рушащих только создавшие брак пары – два выкидыша, страшный диагноз врача о бесплодности Оли – и справившись с последствиями той автомобильной аварии, оставившей на его жене вечную память о себе, они, совсем недавно без ума влюблённые

подростки, смогли сохранить друг в друге нежность, искреннюю любовь и взаимоуважение. Влад гордился Олей за то, что она никогда не позволяла себе даже думать о том, чтобы потушить огонь их семейного очага, и уважал её за силу, что она смогла в себе найти после того, как они покинули кабинет гинеколога – оба шокированные, будто только что вернувшиеся из многолетней комы. Они оба любили друг друга. Дарили друг другу любовь, перемешавшуюся с энергетикой подростковой любви и здравостью мысли зрелой. Они могли быть парой горящих тел, пульсирующих в такт движениям друг друга, и могли быть обычной семьёй. Правда, не имеющей ребёнка. Но даже так они были счастливы, находя источник счастья и красоты в глазах своего партнёра, настоящего друга по жизни.

Оля отпрянула от Влада и тихим голосом сказала:

– Ладненько, спокойной ночи тебе, красавчик.

– Спокойной ночи.

Она вышла из кухни и уже у самой спальни крикнула:

– Не засиживайся долго! – Небольшая пауза. – И сбрей уже свою бороду! Колется жуть!

И Влад остался на кухне один, в полной тишине. Лишь двигатели проезжающих под окном машин разбавляли её. Он допил оставшееся пиво и, забыв выбросить опустевшую банку и оставив её на столе, взглянул на две непроверенные тетради: на одну – раскрытую и заполненную чернилами сверху донизу, на другую – ту, которую он даже не открывал.

Лень, щедро разбавленная с сонливостью выпитым пивом, накатила на него медленно застилающей волной. Егор хорошо писал, и проблем с русским языком у него явно не было, но уж с очень далёкого края он заходил, чтобы изложить свою мысль. Как он выразился: «По ходу развития мысли я подхватываю ещё парочку и рассматриваю каждую по полвека». Да, это он в точку.

По полвека.

Влад лениво махнул рукой и сказал пустой кухне:

– Завтра всё проверю.

Он выключил свет и уже совсем скоро лёг рядом с Олей, забравшись под общее одеяло и позволив себе расслабиться после долгого дня. Через пару минут сон завладел им.

Их окно являлось такой же копией многих других десятков окон, как и их дом – повторным чертежом всех остальных в этом дворе. Звёзды, показавшиеся Владу такими безумно яркими, равнодушно смотрели на простирающийся внизу мир, полный одинаковых и одновременно разных людей. Им было наплевать на чувства, что влюблённые пары испытывали, глядя на их завораживающее сияние. Наплевать на войны, топящие мир в полной крови чаше, и на катаклизмы, рушащие планету, так ненавидящую поселившихся на ней людей, но всё же терпящую их.

Покров ночи нависал над городом, пока свет в окнах потухал один за другим. Мимо одного из них, показывающего спящего бородатого мужчину и женщину со светлыми

распущенными волосами, пролетал светлячок, подмигивающий миру своим жёлтым сиянием. Он приземлился у окна, и его маленькие глазки ещё долго изучали эту спящую пару. Лишь когда рассвет начал легонько касаться неба, он взмахнул крыльями и взлетел вверх, растворяя свой свет в сиянии звёзд.

Глава 4

Пересекая океан

– Мы почти дошли до твоего дома, – сказал Егор, указав на возвышающееся над ними прямоугольное здание, почти ничем не отличающееся от двух других, за исключением одной красивой детали.

В половину торца здания был написан рисунок, уже успевший разозлить всю администрацию района, но так понравившийся Егору. На верхней половине здания был изображён тёмный силуэт человека без лица, одетого в будто развевающееся на ветру такое же чёрное пальто. Силуэт тянулся к двум сторонам – светлой и тёмной. Сияющая бледно-голубым светом сторона отрастающими веточками будто бы манила к себе, подзывала и приглашала. И силуэт уже было протянул к ней руку, но щупальца тёмной стороны, полные такой же бездонной тьмы, как и сама сторона, крепкой хваткой обвили другую руку силуэта, создавая впечатление, будто они тянут его на себя, приглашая в бездну. Так, силуэт без лица стремился к свету, пока его держала тьма и даже не думала отпускать.

На светлой стороне чёрными буквами было выписано слово «СВОБОДА». На тёмной же – «СИСТЕМА»

– Его ещё не поймали?

– Кого? – Брови Вики выстроились домиком, и Егор непринуждённо улыбнулся.

– Да того, кто нарисовал это. – Он замолчал, продолжая разглядывать тянувшегося к свету, но сдерживаемого тьмой человека.

Егора восхищали подобранные художником цвета. Глубина чёрного приковывала к себе взгляд, создавая иллюзию бездны, дна которой ещё никто не видел. Бледно-голубой свет был готов пролиться на прохожих со стен дома, освещая своими мягкими лучами ночные улицы, отражаясь бликами в простирающихся внизу лужах. И невидимый ветер, колышающий тёмное пальто человека, вырисовывался в воображении ясно и чётко, заставляя чувствовать призрак его дуновения даже в самые жаркие дни. Талант художника был неоспорим, и дерзость его рисунка неприкрыто кричала проходящим людям, чтобы те подняли свои головы, открыли глаза и наконец увидели, что же держит их крепкой хваткой тёмных щупалец, запрещаая окунуться в море бледно-голубого сияния. Рисунок требовал, чтобы люди осознали, что имеют собственное сознание и не обязаны подчиняться системе, если она топит их в чаше, полной сомнений и страхов; если она начинает губить внутреннее «Я», что с каждым годом становится всё труднее и труднее сохранить; если все мечты, что проносились в голове бессонными ночами, разбиваются об острые скалы, воздвигнутые владыкой Системой. Рисунок призывал действовать, обрубить, вырывать щупальца,

выбрасывая их из своей жизни, и принимать объятия света.

Вся администрация района считала это вандализмом, Егор же считал это искусством. Искусством тем, что так недостаёт нашему современному миру, большинство в котором способно оценить красоту картины лишь по её рыночной цене.

Его мысли перебил донёсшийся издалека голос Вики:

– Нет. Его или её ещё не поймали. Наверное, всё-таки её. Что-то мне это подсказывает, хотя искусство же не знает гендера, так ведь?

– Так.

– Похоже, этот художник довольно приткий, раз смог разукрасить половину стены и никому не попасться на глаза. Думаю, он использовал трос или что-то вроде этого.

– Гениально, Ватсон! Должно быть, объект нашего внимания ещё использовал и краску с кистью. Мои напрягшиеся извилины подсказывают мне, что кто-то явно собирался разозлить наших дядюшек в пиджачках, сидящих в администрации.

– А мне что-то подсказывает, что кое-кто сейчас получит по жопе, потому что Шерлок Холмс говорил: «Элементарно, Ватсон», – а не твоё «Гениально!».

Улыбка мигом появилась на лице Егора – вызванная небольшим удивлением, полная азарта и чуть нахальная. Ветер играл с его тёмно-русскими волосами, и Вика невольно залюбовалась его красотой – простой и непринуждённой, не

поддерживаемой тонной косметики и регулярными посещениями салона красоты.

Свет уличных фонарей порождал тени на их лицах, и тени эти плясали на их скулах, щеках, шеях и телах в целом, пока сами они – пара, что, кажется, готова прожить друг с другом всю жизнь, не переставая восхищаться своим партнёром – медленно подходили к серому дому Вики, торец которого привлекал взгляды всех прохожих. Молодая парочка неторопливо проходила под светом фонарей и снова пропадавала в тени, но неизменным оставалось мерное хлюпанье их ботинок по лужам, оставшихся после весеннего питерского дождя. Звёзды над их головами холодно сияли, но и такой красоты им хватало, ведь взаимная их влюблённость, уверенно перерастающая в любовь, преумножала красоту всего, что не было её лишено. И пока Вика смотрела на по-юношески красивое лицо Егора, чьи голубые глаза могли бы стать проблесковыми маячками в кромешной тьме, он резко остановился и подтянул её к себе.

Смотря ей в глаза и азартно улыбаясь, он сказал:

– Моя жопка уже дрожит от твоих угроз, но давай мы сначала дойдём до твоего дома, хорошо?

– Так пошли.

– Ты собираешься проверить себя в плавании? – Он мотнул головой в сторону, куда теперь смотрела Вика.

На подходе к её двору расстилалась огромная лужа, образованная в углублении плохо положенного асфальта. Блики

фонарей весело им подмигивали, отражаясь в этом маленьком море. Глубина его была достаточной, чтобы вода смогла дойти до лодыжек, полностью намочив их обувь, и Егор с сомнением посмотрел на лёгкие кроссовки Вики, что истошно бы закричали в холоде этой лужи. А уж ноги её точно бы намочились и замёрзли под дуновением прохладного ветра.

Не дождавшись ответа, Егор обхватил колени Вики и поднял её, держа за спину и ноги. Она коротко ахнула и когда посмотрела на него снизу вверх, он ей сказал:

– Я тебя донесу, бэйба.

И сам же улыбнулся тому, как напыщенно это прозвучало. Он поудобнее устроил её на своих руках и двинулся вперёд, старясь не споткнуться и не упасть в лужу вместе с ней. Это было бы шикарное завершение дня, но Егор приложил все силы, чтобы исключить его из появления. Перейдя лужу и промочив кроссовки и низы джинсов насквозь, он донёс её до двора в целости и сухости.

Пока он прокладывал путь через океан, Вика не отрывала взгляда от его лица, в котором ясно читались целеустремлённость и решительность, пусть и слишком фальшивые и забавно выглядящие со всей серьёзностью на его лице. Вика улыбалась тому, каким храбрым и смелым хотел показаться перед ней Егор, хоть доказательства тому и не требовалось. Но пусть доказывает, раз того хочет. Мальчишкам иногда нужно давать такую возможность.

Во дворе он её отпустил и, сняв маску серьёзности, улыб-

нулся:

– Вы спасены, мэм. Можете не благодарить.

– А я поблагодарю.

Она чуть привстала на носочки, и их губы заключили друг друга в сладостные объятия. Её чуть напряглись, и Егор почувствовал, как она улыбнулась. Улыбалась же она тому факту, что в десяти метрах от них лужа заканчивалась, поэтому совсем не было необходимости пересекать её напрямую. Следовало лишь немного принять влево и пройти по суше. Но раз её кавалер хочет побыть героем, то она не будет ему мешать и уж тем более портить его заслуженную гордость замеченным ею фактом.

Герой так герой.

Вика чуть отпрянула и тихо сказала:

– Спасибо, что проводил, герой.

Ветер сбросил огненные пряди волос её на лоб, и Егор тут же вернул их обратно, нежно и аккуратно.

– Может, тебя проводить до квартиры? Вдруг в подъезде тебя ждёт кровожадный маньяк-насилъник?

– Если он там, – ямочки появились на её щеках, – то он очень сильно пожалеет, что поджидал меня. Знаешь ли, я хорошо готовлю яичницу.

Смех пробрал Егора, и от этого Вика заулыбалась ещё больше. Его смех нельзя было назвать красивым или влюбляющим в себя, но для неё он был приятным бальзамом на сердце, успокаивающим и вызывающим искреннюю радость.

Успокоившись, Егор произнёс:

– Я тебя всё равно провожу.

– Хорошо, проведёшь. Я уже давно поняла, что с твоей упёртостью не сравнится никто. – Она взглянула на его промокшие кроссовки. – Лучше скажи, тебе не холодно? Не замёрзли ноги?

– Нет. Ты же знаешь, я горячий парень.

– Ага, горячий. Значит так. – Улыбка не успела покинуть его лицо и вновь засияла на нём. Она опять включила командиршу, и Егор не стал ей мешать. Хочет покомандовать, пусть командует. Девчонкам иногда нужно давать такую возможность. – Ты сейчас пойдёшь ко мне домой... – Вика надолго замолчала, уставившись в одну точку. Егор уже хотел вернуть её в реальность, когда она снова заговорила. – Да, мы сейчас пойдём домой, и я налью тебе тазик с горячей водой. А кроссовки пока посушатся вместе со стельками. Понял?

– Да, моя госпожа. Ваши родители не будут против?

– Не будут. Пошли.

Скоро они зашли в подъезд, и он тут же проклял компанию, строившую этот дом и, видимо, не знавшую про существование лифта. На площадке между шестым и седьмым этажами до них начали доноситься приглушённые стенами истерические крики женщины, просившей кого-то успокоиться. Вслед за её выкриками слышалось бормотание какого-то мужчины, повышающего тон с каждым словом. И чем ближе был седьмой этаж – тот, на котором находилась квар-

тира Вики, – тем громче становились крики.

Она резко остановилась на площадке и с невероятным отчаянием в голосе сказала:

– Чёрт...

И уткнулась головой в шею Егору, обняв его. Её объятия были похожи на объятия утопающего, схватившегося за своего спасителя. Она тяжело выдохнула весь горячий воздух, скопившийся в лёгких, и Егор почувствовал нарастающий жар в её теле. Она прижалась к нему, обвив его спину руками – слегка трясущимися и непослушными. Егор чувствовал, как страх и истерика начинают окутывать девушку, спрятавшуюся в его объятиях, и ощутил вес груза ответственности.

Быть парнем какой-либо девушки не значит лишь ублажать её по спонтанно возникшему желанию и временами нырять под её юбку, мастерски работая языком. Это ещё и включало в себя доверие, что девушка испытывала к своему парню. И в первую очередь, доверие себя и своей безопасности. Мужчина – защитник в глазах женщины. И каждый кавалер, ухаживающий за своей мадемуазель, должен быть готов принять ответственность за её защиту и не испугаться этого. Ведь истинная любовь означает желание сохранить всё самое красивое в своём партнёре. И желание это порождает защиту.

Егор накрыл её голову своей рукой и поцеловал в макушку. Вика не желала его отпускать и хотела как можно дольше оставаться в его объятиях – крепких и нежных, создающих

внутри себя комфорт и безопасность. Крики доносились до её сознания мощными ударами, заставляя сердце разрывать грудную клетку, внезапно показавшуюся ей невероятно маленькой и тесной. Она прислонила губы к его напрягшейся шее и еле слышно прошептала:

– Егор...

Он аккуратно приподнял её голову, и внезапный силуэт злости пронёсся в его голове, когда на него взглянули блестящие от готовых сорваться слёз глаза.

– Отец?

Она молчала, и лишь трясущиеся губы ему всё рассказали. Ладони взметнулись к лицу, и Вика отпрянула от Егора, закрыв лицо руками и отвернувшись. До него донёсся слабый всхлип, который ей не удалось подавить. Тело её слабо тряслось, и от резкого глухого удара замерло, освещённое кислотно-жёлтым светом лампочки. Егор увидел, как расправились её плечи и как выпрямилась спина.

Вика повернулась.

Тушь, превратившаяся в текущую под глазами кровь при таком освещении, медленными ручейками скатывалась по её лицу. Жёлтый свет положил тени на слабые морщины, которые Егор не замечал до этого момента. Её дрожащие губы плотно сжались, сгоняя с себя всю краску. И Егор с ужасом осознал, что сейчас впервые увидел её некрасивой и (это он сохранит лишь у себя в голове до самого конца жизни) страшной. Её лицо представляло собой маску нараста-

ющей ненависти и страха, покрытую нездоровой жёлтой кожей. Сам того не осознавая, Егор сделал маленький шаг назад, поражённый тем существом, в которое превратилась его девушка. Этого жеста не заметила и Вика. Она лишь тупо на него уставилась и произнесла:

– Ты слышал? – Ручейки туши продолжали течь по её щекам. – Слышал удар? – Она подошла ближе и, сама не веря своим словам, выпалила: – ОН УДАРИЛ МОЮ МАМУ!

Крики прекратились, и до них начали доноситься слабые женские стоны. Вика опустила голову и сжала кулаки, чувствуя, как недавно покрашенные ногти впиваются в кожу. Она вскинула подбородок, и вместе с тем вернулась её красота. Блик света лампы отразился от решительности в её глазах, сверлящих лицо Егора. И голос её был спокоен, когда она заговорила:

– Егор, послушай меня сейчас очень внимательно. – Она сглотнула, ощутив, как слюна прорезает стенки её пересохшего горла. – Я пойду туда. Мне всё равно рано или поздно придётся пойти туда. – Она содрогнулась от ещё одного удара и со злостью выдохнула воздух. Грудь её яростно поднималась, но голос не терял своего спокойствия. – Ты не иди, слышишь? С тобой будет всё только хуже. Тебя он не знает, а я его дочь. – Она заговорила быстрее. – Не вздумай идти за мной, Егор. Если я не выйду через десять минут, вызывай полицию. Понял?

– Вика, я...

– НЕТ! – Её спокойствие пропало так же быстро, как и уступило место крику. – ТЫ НИКУДА НЕ ПОЙДЕШЬ! ОСТАВАЙСЯ ЗДЕСЬ И НЕ СМЕЙ ВСТУПАТЬ В КОНТАКТ С МОИМ ОТЦОМ!

Её крик разнёсся по всему подъезду, отражаясь эхом от голых стен. И прежде чем дверь её квартиры успела бы открыться, она рванула к ней и дёрнула на себя ручку. Дверь не поддалась. Вспомнив про замок, она достала ключи. Дрожащие руки не позволяли ей вставить ключ, и истошные крики матери заставили её ускориться. Взяв ключ у изголовья, Вика вставила его, резкими движениями провернула внутри и как только открыла дверь, сразу ворвалась в квартиру, с шумным хлопком закрыв за собой.

На миг повисла тишина, давящая на Егора своей тяжестью. Он собирался сделать всё так, как сказала Вика, и понимал, что так будет правильно. Но всё же он не мог остаться в этом провонявшем подъезде и слушать мёртвую тишину со своим прерывистым дыханием.

Он уже собрался подойти к двери, когда уши пронзили женские крики и последующий выстрел.

Глава 5

Койот

Он потерял себя.

Адреналин, вызванный грохотом выстрела, впрыснули в его кровь и заставили с бешеной скоростью стучать его сердце. Оно было подобно двигателю, мерно работающему до этого момента, пока в него не залили закись азота, разогнавшую его до безумия. Все органы чувств обострились как по команде. То же ощущение испытывали далёкие предки Егора, услышав вой подбирающихся волков или стоя перед рычащим зверем. Зрению поддавалась каждая деталь. Самые мелкие вибрации в стенах и воздухе ощущались всем телом, пока слух переключался на шум текущей крови в висках. Внезапно Егор полностью ощутил всю мощь своего тела и то, что тело это ему подвластно. Он чувствовал каждую клетку своего тела; чувствовал контроль над ним, силу, растущую в его груди, и уверенность, создающую эту силу.

Он рванул на себя ручку, и дверь тут же распахнулась перед ним. От узкого коридора отходила пара комнат и, миновав прихожую, Егор помчался к единственному источнику света в квартире – на кухню. Из неё лился мягкий тёплый свет, освещающий конец коридора. Когда Егор остановился в шаге от границы тьмы и света, он услышал собственное тя-

жёлое дыхание и то, как передёрнули затвор пистолета.

Он знает. Знает, что я здесь, и уже готовится встретить.

Ему оставалось сделать лишь шаг, чтобы оказаться в дверном проёме кухни, откуда доносился тихий плач двух женщин. Егор понимал, что выйдет мишенью из тени, но также понимал, что уже успел сообщить о себе шагами и громким открытием двери. Единственным и верным решением оставалось...

– Выходи!

Голос на удивление был чуть выше, чем полагается мужчине. Но щелчок предохранителя не имел проблем с тональностью и смог убедить Егора показаться из тени.

Свет пролился на вставшего в арке кухни мальчишку, поднявшего руки ладонями вверх, и чьи голубые глаза были широко раскрыты. Один из сосудов лопнул от напряжения, залил небольшую часть белого моря алой кровью.

Кухня была небольшая, практически вся заставленная мебелью. Огромным же было нечто иное, находящееся в этой комнате. Большой чёрный глаз, смотрящий на Егора из глубин ствола пистолета. Глаз наблюдал за ним, чуть покачиваясь из стороны в сторону, и не давал свести с себя взгляда. Егор впервые посмотрел в глаза смерти и почувствовал её запах.

Оказывается, она пахнет порохом.

Он краем глаза заметил два смутных силуэта, прижав-

шихся друг к другу на полу под окном. У одной из женщин по лицу стекала кровь, замазавшая весь подбородок и верхнюю часть шеи, но у кого из них – он не видел. Слышал лишь сдерживаемые всхлипы и видел пугающую пустоту смотрящего на него глаза.

Внезапно ему захотелось развернуться и со всех ног рвануть прочь и бежать, бежать, бежать, пока ноги не принесут его к своему дому. Он вызовет полицию, и на этом всё закончится. Хеппи-энд. Но он знал, что не простит себе такого поступка, хоть он и кажется более рациональным. Он должен был завершить начатое. Раз поимел смелость начать, следует иметь смелость закончить.

С большим трудом он оторвал взгляд от качающегося круга бездны и посмотрел в наполненные кровью глаза отца Вики. Попытавшись убрать дрожь из голоса, Егор сказал:

– Рад познакомиться.

И улыбка расплылась на его лице. Напряжённая, фальшивая, но улыбка. И факт её появления придал ей большей искренности, образовав слабые морщинки у самых глаз. Губы его были напряжены, а дыхание эхом отзывалось в голове, но он продолжал улыбаться, не позволяя панике завладеть им и пряча её под маской спокойствия. Его руки начали слегка подрагивать. Он медленно убрал их за голову, скрыв ото всех. Все сейчас смотрели на него, в том числе и глаз Ада, нашёптывающий ему колыбельную смерти.

– Ты кто такой?

Егор с удивлением заметил дрожь в этом голосе, но в то же время лицо его оставалось неизменным. Уголки губ чуть опустились, но улыбка всё так же продолжала сиять. Он внимательно стал оглядывать отца Вики – главную проблему всей её жизни.

Лысеющая голова, сохранившая островки бывших когда-то чёрными волос по бокам и сзади. Широкий лоб, прорезанный кривыми линиями глубоких морщин. Таких же глубоких, как и над носом и у уголков его узких губ, что были опущены вниз. Глупое, где-то даже тупое лицо неуспевающего по программе школьника-подростка, заросшее трёхдневной щетиной. Егор не мог поверить, что этот человек – отец его девушки. Что этот человек воспитывал такую прекрасную личность, как Вику, и пытался уничтожить её. Рас топтать и не позволить вырасти, не дав начаться жизни его дочери и погубив жизнь жены.

Егор почувствовал, как магма злости всплывает на поверхность его вулкана, именуемого Гневом. Отвращение и неприязнь к этому человеку начали перерастать в набирающую силу ярость, вызванную лишь одним вопросом. Он показал дрожь в голосе, символизирующую страх. И страх этот, скрывающийся в сознании отца его возлюбленной, он зря вытащил на свет. Егор заметил его и тут же успел найти козырь в своей колоде, который припрятал в рукаве. Пусть у этого мудня и был пистолет, утверждаться он мог исключительно на женщинах. И увидев пришедшего мужчину – со-

всем молодого мальчишку, – почувствовал, что теряет своё доминирование, свою власть и силу, дающую ему преимущество над женским полом.

Не веря себе, Егор начал ощущать, что злость вытесняет страх и нерешительность. Он не верил, что выстрел принёс свои плоды и пуля пронзила чьё-то тело. Скорее всего, она вгрызлась куда-нибудь в пол или стену, но не более. И догадка эта стала превращаться в уверенность. Да, этот человек, чей огромный пивной живот мешал ему быстро двигаться, не способен был спустить курок. А если и мог, то разве что перед женщиной, пустив в неё пулю. С мужчинами же он тягаться не мог. Увидев силу, такие как он сразу втягивали голову в плечи и начинали поскуливать.

Егор забыл, что он лишь семнадцатилетний школьник, стоящий под дулом пистолета, который направил на него человек, что был в два с половиной раза старше и являлся отцом его девушки. Весь мир вокруг потерял свои краски, и все они сконцентрировались на нём. Тихие всхлипы умолкли, и лишь они вдвоём, стоящие друг напротив друга мужчины, остались в этом мире. Егор превратился во льва, пойманного в ловушку хитрым койотом, имеющим у себя смертельное оружие. Но стоит только потряхнуть гривой этому зверю и начать наступать на «смелого» койота, как тот начнёт отступать, пока не прижмётся к стене.

Егор стал львом и потрянул гривой.

Его руки перестали трястись, и он начал медленно опус-

кать их вниз. Этот ублюдок хотел знать, кто он такой? Хотел знать, что он из себя представляет? Что ж, он обратился по адресу. Егор выскажет ему всё, что тот захочет знать.

– Кто я? – Он сделал небольшой шаг вперёд, обратив внимание на то, как метнулся к его ногам взгляд кровавых глаз. – Вы правда хотите знать, кто я такой? А я вам скажу. – Ещё один шаг. – Я парень вашей дочери, о существовании которой вы, похоже, не знали, а считали её мешком нервов. Как и свою жену. – Небольшой шаг, и Егор почувствовал холод, окутывающий его мокрые ступни. – Мне противна ваша слабость, которую вы пытаетесь скрыть за этим. – Он указал в сторону забившихся в угол женщин, но сам продолжал смотреть в глаза Койоту, чувствуя следящую за ним бездну.

Взгляд Егора ни разу не сводился с покрасневших глаз, когда они перебежали с молодого лица на приближающиеся кроссовки. Отец Вики отступил на шаг и упёрся в стол. Жест этот стал мощным взрывом в вулкане ярости, и теперь в небо сознания вырвался огромный всплеск бушующей ярости. Теперь он желал наказать эти испуганные глаза, наполненные свиной кровью. Желал скрутить ему руки и с улыбкой услышать хруст ломающихся костей. Он собирался съесть Койота, не запачкав свою гриву.

Упёршись в стол, отец Вики выставил пистолет, уже казавшийся Егору игрушечным, и завопил во всё горло:

– ЕЩЁ ОДИН ШАГ И Я ВЫСТРЕЛЮ!

Он боится меня. Боится, как маленькая сучка, и не

осмелится спустить курок.

Егор сделал небольшой шаг вперёд и остановился. До пистолета он уже мог дотянуться рукой. Он не верил в то, что Койот сможет выстрелить в него, но верил, что с такими трясущимися руками он вполне способен случайно нажать на курок.

– Я стою, видишь? – Переход на «ты» укрылся от него, и, наплевав на все формальности, он продолжил: – А вот тебе, говнюк, я советую лучше отойти. Ты испортил жизни двум женщинам, и какое, сука, ты имеешь на это право?! – Он стал повышать тон, но не сходил с места. – Ты слаб! И сам это знаешь! Признаёшь свою трусость и ничтожество! И вот у тебя появилась пушка, которой ты мне угрожаешь! – Егор искренне рассмеялся, пока сам еле справлялся с мечущейся в голове злостью и яростью. Гнев заменил кровь в его венах, и, казалось, они пульсировали в такт бешено стучащему сердцу, ломающему его рёбра своей силой. Но гнев этот он сдерживал, хоть и чувствовал непреодолимое желание наброситься на это испуганное существо, стоящее перед ним, и начать выбивать из него всё дерьмо, закончив лишь к утру.

Единственное, что могло остановить Егора от львиного броска, так это забившиеся в угол женщины, затихшие и наблюдающие за ним. Он уже не верил в то, что выстрел вообще прогремит. Не верил в то, что мужчина этот способен дать ему отпор. Не верил в страх, начавший душить его у дверного проёма. Его вера в себя и свои слова была сильна.

Они сияли ею, и сияние это ослепляло испуганные кровавые глаза.

Егор резким рывком сократил расстояние меж ними и с силой сжал трясущееся запястье. Пальцы на мгновение разжались, и мгновения этого хватило, чтобы Егор успел выхватить пистолет. Как только тёплая рукоятка оказалась в его руке, он метнул оружие в коридор, где оно лязгнуло о плиты сталью. Не теряя времени, Егор ударил отца своей девушки под грудь, в солнечное сплетение. Почувствовал поддавшуюся под кулаком плоть и увидел, как массивное туловище резко согнулось, и лишь редкие попытки схватить воздух удерживали его на ногах. Егор же просто стоял и смотрел, практически не напрягавшийся. Злость грозилась выплеснуться за края, расплавив все замки, сдерживающие его ярость. И когда та вырвалась на свободу, сам он расквасил нос Койоту, пока тот поднимался. Его голова резко задралась, расплескав капли крови на куртке, шее и лице Егора, после чего всё его тело повалилось на скрипнувший стол.

К окну подлетел небольшой светлячок.

Растёкшееся тело слабо застонало и попыталось встать. Больше Егор не считал этого человека отцом своей девушки. Это был просто монстр, которого следовало наказать. И наказать как следует.

Он взял голову монстра, койота, отца-мудака и забил ей невидимый гвоздь в крышку кухонного стола. С лица крупными каплями падала кровь, окрашивая алым белую ска-

терть. И Егор соврёт, если скажет, что не испытывал в этот момент сладостного наслаждения, граничащего с оргазмом. Он ещё раз ударил голову о стол и почувствовал, как лысая башка из-за пота выскользывает из-под его рук. Он крепко обхватил её и начал стучать ею об стол и уже не мог остановиться. Этому мудаку удалось найти ключ от клетки, сдерживающей его голодного льва. И лучше бы он не находил этот сраный ключ. Он выпустил демонов из Ада, что были прочно там заперты. Разбудил спящий вулкан, и магма его поднялась с котла самого Сатаны. Егор видел кровь на лице Койота и утолял свой гнев, размазывая её по тупому лицу и оставляя её следы на скатерти. Утолял голод льва, вникая каждому удару окровавленной головы о стол. Приносил в жертву своему дьяволу алые рисунки на стонущем лице, что скрывала кровавая маска.

Он бы забил его до смерти, так и не поняв, как это произошло, если бы не услышал истерический крик:

– ПРЕКРАТИ!!!

И только лишь благодаря ужасу, что звенел в голосе Вики, он остановился. Разжал руки, и получившая свободу голова сама ударилась об стол и больше не поднималась. Егор обернулся и тут же получил пощёчину, сильнее которой просто не могло существовать. Она была сравнима с сильным ударом, пропитанным искренней ненавистью, и сила эта добралась до его сознания, уничтожив и выбросив злость и гнев. Заперла льва в клетке, дав ему пинок под зад. Загнала демо-

нов обратно в Ад и заставила вулкан потухнуть. Лицо Егора загорелось, но пыл его чувств и эмоций охладился. Он взглянул на того, кто подарил ему такой мощный удар и увидел заплаканное, покрытое обширной паутиной морщин, что скрывалось под засохшей кровью лицо старой женщины, из глаз которой так и сочились ненависть. Она была настолько ощутимой, что казалось, будто она передалась ему вместе с пощёчиной, и теперь он чувствовал, как растёт её гнев. Гнев матери Вики, которая, по словам дочери, была светлым огоньком во тьме их семейного очага.

И теперь, когда правая его рука была окрашена кровью её мужа, Егор стоял перед ней, и до них доносилось лишь слабое хрипение обмякшего на столе тела.

Он посмотрел поверх плеча ударившей его женщины и встретился взглядом с парой зелёных глаз – широко раскрытых, испуганных и... сочащихся той же ненавистью. Ненавистью к нему.

И глаза эти говорили: **«УХОДИ! ПРОВАЛИВАЙ К ЧЁРТОВОЙ МАТЕРИ! ТЫ ИЗБИЛ МОЕГО ОТЦА!**

– ОТОЙДИ! – Мать Вики оттолкнула его и на удивление довольно сильно. Егор ударился о стену, но не заметил этого. Взгляд его был прикован к внезапно постаревшей женщине, что с ропотом подбежала к хрипящему телу и начала осматривать его, плача и целуя.

Егор же стоял ошарашенный. И это та женщина, чьи стоны он слышал на лестничной площадке? Та женщина, чьё

лицо чуть ли не превратилось в кровавое месиво, если бы не вступилась её дочка? Та женщина, что до дрожи боялась своего мужа и с соплями, смешанными с текущей кровью, стонала в углу?! Эта самая женщина сейчас рыдала над избитым мужем и пыталась помочь ему встать, забыв про кровавую маску на своём лице. Егор, на чьей шее и лице остались маленькие алые капельки, с разукрашенной в красный рукой, стоял, всё ещё чувствуя жар на коже от полученной пощёчины.

Но он поступил правильно. Так следовало поступить. Не мог же он оставаться в подъезде после того, как услышал выстрел? После того, как слёзы Вики скатывались по его шее, и руки её вцепились в его толстовку, не желая отпускать. Её плач и дрожащий голос заставили его заступиться, поступить правильно и защитить её и маму. И совесть его должна быть чиста.

Ведь так?

– Уйди.

Голос этот принадлежал Вике, и сердце Егора слегка колыхнулось, когда он уловил в этом голосе нотки искренней ненависти, готовой сорваться на него вместе с её жгучими слезами. Он посмотрел ей в глаза, и волосы на его загривке встали дыбом. ТАКОГО взгляда... такого взгляда он никогда ещё не видел. Это был взгляд мужчины, что смотрит на убийцу своей дочери в суде, окружённый готовыми его удержать охранниками. Это был взгляд девушки, перезаря-

жающей пистолет, приготовленный для сбившего насмерть её отца-инвалида депутата, которому удалось выйти сухим из глубокого моря закона. Егор был более чем уверен, что если бы пощёчину ему дала Вика, то она просто вышибла бы мозги.

– ПРОВАЛИВАЙ, ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ?!

Егор развернулся и, решив молча уйти, направился к дверному проёму.

Но остановился.

Он огляделся и увидел в окне маленького светлячка, сидящего на подоконнике с внешней стороны дома. Его маленькие глазки пристально вглядывались в Егора. Сияние небольшого солнышка то гасло, то вновь загоралось, что, как полагал Егор, не было присуще светлячкам. Он будто ему подмигивал. Тёмные глазки насекомого смотрели в широко раскрытые голубые глаза человека, пока сердце каждого из них билось в своём ритме.

Светлячок расправил крылья и улетел, подмигнув своим переменным сиянием.

Егор развернулся и начал уходить. Остановился он лишь на секунду, когда случайно пнул выброшенный им пистолет, и вскоре вышел из квартиры. Захлопнул за собой дверь и уже через минуту почувствовал дуновение ветерка в мокрых кроссовках и носках.

Он ударил железную дверь, оставив на ней вмятину своего кулака, и двинулся домой, произнеся лишь одно слово:

– Койот...

Глава 6

Огоньки

Он не заметил лужу и снова прошёл через неё. Вода залилась в его кроссовки, вонзив в стопы иглы холода, но Егор их совсем не почувствовал. Пожар, нёсший сейчас пламя в его душе, был самым сильным в истории человечества. Самым сильным катаклизмом, подвергающим сознание невероятным испытаниям. Монстр внутри скрёб стены клетки и завывал, просясь наружу, и вой этот не давал Егору покоя. Он напоминал о той его тёмной сущности, что билась в экстазе при размазывании крови на чужом лице. Вой напоминал ему о дьяволе, в которого он сегодня превратился. Напоминал о рёве льва, рвущемся из мощной груди. О его собственном рёве.

Егора пугал этот монстр. Но ужас его исходил из понимания того, что чудовищем этим является он сам. И боялся того, что однажды не сможет удержать его под контролем.

Мимо него пролетел светлячок.

Егор остановился и стал следить за летящим жёлтым фонариком. Это не мог быть тот же светлячок, что наблюдал за ним по ту сторону окна, но почему-то Егор знал – знал, чёрт возьми, – что это именно он, и словно в подтверждение его мыслей жёлтое сияние погасло и вновь зажглось. Засветив-

шись ещё ярче, оно взмыло в небо.

Егор провожал его взглядом, пока не заметил два крошечных огонька, появившихся из-за угла дома и присоединившихся к уже летающему в небе светлячку, образовав три ярких звезды. Они сияли подобно трём солнцам, и вскоре три превратилось в квартет, а после стремящиеся друг к другу светлячки начали появляться отовсюду и застилали собой небо. Своим сиянием они затмили сияние звёзд. Они всё слетались и слетались, пока все прохожие, не веря своим глазам, стояли, уставившись на небо и следя за ним. Егор слышал вздохи удивления вокруг себя, и вызваны они были огромной гирляндой из жёлтых в ночи огней, повисшей над их головами. Светлячки зависли в воздухе и оглядывали смотрящих на них людей. Тысячи пар глаз изучали каждого человека, и с одной из них Егор встретился взглядом. Он не видел устремлённых на него глаз – лишь маленькую жёлтую точку, – но он **чувствовал**, что маленькие глазки насекомого смотрят в его глаза.

Люди стали доставать телефоны, чтобы успеть сфотографировать такое аномальное, но до жути красивое явление природы. Каждый из них был переполнен удивлением, возбуждением и чувством созидания красоты. Улыбки засияли на их лицах чуть ли не ярче неба, заполненного тысячами маленьких солнц.

Но Егору это всё не нравилось. Он будто ощущал, что через глаза этих маленьких существ на него глядит сам Сата-

на. Бред, конечно, но его тревога всё равно продолжала нарастать и полностью охватила его, когда все светлячки вдруг замигали, подмигивая уставившимся на них людям.

Егор лишь выдохнул:

– Чёрт...

В это же время на другом конце Санкт-Петербурга перед окном стоял Влад, внезапно пробудившийся среди ночи. Что-то заставило его пойти на кухню и посмотреть на улицу. Сейчас же он стоял, свесив непослушные руки вниз, и глаза его чуть ли не вылезали из орбит. За окном небо превратилось в утыканный жёлтыми лампочками потолок, и лампочек этих было бесчисленное множество. Сотни, тысячи, может, десятки тысяч, и все из них имели глаза, наблюдающие за находящимися внизу людьми.

И за ним.

В особенности – за ним.

Влад нервно сглотнул и, сам того не зная, сказал то же самое, что в этот момент во многих километрах от него сказал Егор:

– Чёрт...

Глава 7

Волчица

Медсестра наконец вышла, и Катя тут же подскочила и перекрыла ей проход:

– Что с ним?

Голос её чуть хрипел, и хрипота эта была вызвана бесчисленными криками ярости, на которые сбежались все её любопытные соседи. Глаза, заполненные алыми молниями крови, лишь недавно стали сухими, полностью выдавив из себя все слёзы. Светло-русые волосы были взлохмачены и не причёсаны. Белая майка, плотно облегающая её торс, полностью вымокла от выделившегося пота, а джинсы, что подчёркивали манящую крутость её бёдер, в различных местах были порваны. Там, где широкими ручейками засохла кровь. Руки же, несмотря на всю их женственность, были сильными и рабочими. Скулы ясно выделялись на напрягшемся лице, пока тело её продолжало трясти. Губы превратились в тонкую бледную линию, и весь её вид говорил о том, что в коридоре больничного отделения стоит не дизайнер женской одежды, а сумасшедшая девушка, чьи поступки невозможно было предугадать. Взгляд серых глаз был безумным и, казалось, одновременно пустым, но за безумием этим, так напугавшим молодую медсестру, скрывались два года страданий

и нервных срывов, о которых Катя никому не говорила.

Майка прилипла к телу, чёткие контуры её груди виднелись через дешёвую ткань. Она сняла с себя бюстгальтер сразу, как поняла, что он мешает ей разбирать завалы, под которыми находился её ребёнок. Все зеваки с широко раскрытыми глазами уставились на её упругие груди, и ей было совершенно наплевать на это. Она слышала плач своего малыша и сама полезла под завалы, по пояс голая и блестящая от пота, в поисках своего сына. Он звал её и умирал, будучи под тяжёлыми, нависшими друг над другом плитами. Чувствуя, как горячая кровь стекает по её ногам, она продолжала преодолевать завалы. Маленькие камешки вспарывали кожу на её голых плечах и застревали в мягкой плоти. Плач приближался, и скоро она увидела окровавленный комок, придавленный небольшим деревянным комодом и имеющий лицо её сына. Его крик разрывал уши и тонкие стенки сердца. Катя метнулась к нему, чудом не вогнав себя на выставленную арматуру. Она уже не помнила, как выбиралась обратно. Не помнила, как орала на всех, держа наполовину живой комочек в руках. По её грудям текла кровь и, собираясь на сосках, алыми каплями падала вниз. Неаккуратный, но знающий своё дело художник раскрасил горячий живот Кати в неровные, соединяющиеся и хаотичные красные линии, из которых тоненькими веточками к ногам простиралась вытекающая кровь.

Она кричала до потери сознания. Кричала на нанятую ею

няню, что должна была следить за ребёнком, а не оставлять его одного, чтобы он выпал из окна. Кричала на сотрудника сраного ЖКХ, который не смог уследить за грёбаным бойлером, взорвавшим на хрен всю половину их дома. Дым застилал ясное небо, не пропуская лунный свет к собравшимся у догорающего здания людям. Слабые языки пламени уже стали потухать, а голосовые связки Кати продолжали неистово напрягаться, и истерика её не прекращалась. Одетая лишь в одни порванные джинсы (несколько осколков вспороли их заодно с кожей) и в покрытые грязью кеды, она кричала и вопила на всех людей, пока окровавленный кулёк, что она прижимала к своей голой груди, делал несчастные попытки втянуть как можно больше воздуха. Вены вздулись на её шее, а оскал её зубов напоминал оскал волчицы, увидевшей рысь рядом со своим раненым волчонком.

И в этот момент Катя больше всего была похожа на волчицу – опасную, рычащую на врагов и готовую в любой момент сорваться с места и наброситься на обидчика своего детёныша.

На эту суку Смерть.

Она лишь убаюкивающе махала своей длинной косой перед лицом малыша, падающего вниз с третьего этажа. И, видимо, решила не забирать жизнь этого молодого мальчишки, только начавшего познавать мир в свои два года. Он упал с мощным шлепком маленького тельца о твёрдый асфальт, и только благодаря проходившей мимо студентке малышу уда-

лось выжить. Она, простояв минуту, пустыми глазами уставившись на плачущее тело, мигом подбежала к нему, схватила в свои руки и рванула на всей скорости от того места, где осталось расплывшееся пятно крови. Лишь когда студентка, полагаясь исключительно на свои инстинкты, добежала до края двора и услышала, как за её спиной взорвалось здание, осознала, что спасла малышу жизнь.

Она улыбнулась, и её придавило плитой.

Погибла она сразу же, даже не поняв, что с ней случилось. Её череп мгновенно раскрошился, и на крышку чьего-то ноутбука выплеснулись её мозги, похожие на ту кашу, которую она ела сегодня со своей мамой. Мальчику же опять повезло, и он отлетел от женщины, больно ударившись маленькой попой. Смерть его обошла и тогда, когда в метре от его головы попадали друг на друга огромные плиты, удерживаемые выброшенными холодильником и шкафом.

О подвиге студентки никто не узнал.

После того как голосовые связки Кати стали не выдерживать такой нагрузки, она начала терять сознание. Её с ребёнком подхватил какой-то мужчина, и очнулась она уже в этой больнице, одетая в свою мокрую майку и с полностью очищенным торсом от их общей с сыном крови. Все раны её продезинфицировали, а голос, хоть и с ощутимой хрипотой, вернул себе былую силу.

Но у неё не было Миши, её ребёнка.

Она вырвалась из палаты, не заметив тянущуюся за ней

капельницу. Подбежала к сестринскому посту, напугав всех своим обезумевшим видом, и после того, как узнала, где находится её сын, молча развернулась и зашла за угол коридора, сорвав с себя все лишние трубки, оставив капельницу стоять одну в белом свете флуоресцентных ламп.

И сейчас, когда её тело снова начало трясти от долгого ожидания, а сухость снова выплаканных глаз начала их раздражать, Катя преградила медсестре проход и ждала ответа. Ответа, самого важного во всей её бессмысленной жизни.

Но медсестра молчала, опутив взгляд вниз.

Неприятная, ужасная мысль закралась в сознание Кати, и она тут же её отбросила, запретив себе о ней думать. Она схватила медсестру за грудки и резко дёрнула её, да так, что зубы последней чётко клацнули. Скулы вновь угрожающе прорезались на напряжённом лице, казавшемся сейчас портретом одной из пациенток психбольниц.

Катя набрала в грудь побольше воздуха и крикнула в лицо медсестре:

– ЧТО С МОИМ СЫНОМ?!

Медсестра, только взглянув в эти безумные серые глаза, сразу поняла, что молчать ей не следует. Эта женщина могла натворить всё что угодно, и, судя по её виду, явной адекватностью она не отличалась. Поэтому, снова оперев взгляд в пол, медсестра тихо произнесла:

– Большая потеря крови и... ну, у него было внутреннее кровоизлияние... и... в общем... – Их взгляды встрети-

лись. – Ваш сын погиб.

И в её душе взвыла волчица.

Глава 8

Джонни Райз

Эта девчонка была славной.

Её приятная полнота, чётко выраженные формы и такие сладкие губы, подобные сахарной вате, что он ел в детстве, безумно возбуждали его. Но до полного апогея его доводили её блестящие слёзы и оглушающее рыдание, когда он с силой заходил в неё, чувствуя, как горячий член скользит по её влажным стенкам, пока холодный ствол пистолета давил ей на щёку. Глаза его были безумны и полны детского восторга, а слюни капали с широко раскрытого рта. Эта девчонка визжала как резаная свинья, и чем громче были её крики, тем быстрее ходил в ней его член. Когда оргазм стал приближаться, девчонка попыталась вырваться, но он её удержал. Он всегда всех удерживал. Когда же его мозг взорвался эндорфинами, он нажал на спусковой крючок и снёс девчонке голову, расплескав вокруг все внутренности и кончив на вытекающие мозги.

Соседи не услышали выстрела, ведь каждый из них давно уже спал вечным сном.

Через час, отдохнув и прогулявшись по Невскому проспекту, он вернулся и трахнул уже мёртвое тело, правда, не получив такого же удовольствия, какое получил от перво-

го раза. Кончив в оставшуюся часть головы, пошёл в ванную, оставляя за собой кровавые опечатки своих ступней. Как только он лёг, собравшись принять горячую ванну, но забыв открыть кран, благополучно заснул, полностью голый и довольный. Спал он тихо и спокойно, как спят мужчины после хорошего секса. А секс у него сегодня выдался просто отменный. Во сне снова и снова прокручивался тот незабываемый момент, когда голову девочки разорвал мощный фонтан крови, и как же он был счастлив в этот момент! Как тряслось его тело в оргазме, когда повисший на ниточке глаз тупо уставился в пол! Как он смеялся, искренне и непринуждённо, когда водил стволом пистолета у неё во рту, царапая дёсны, язык и нёбо! Её губы нехотя смыкались на твёрдой головке его напрягшегося члена, когда сам он держал её макушку на качающемся прицеле. Сейчас же верхняя губа девочки валялась под комодом, а нижняя, разорванная в клочья, была разбросана по всей кухне.

Он спал и улыбался, пока мать той девочки в истерике доказывала участковому, что её необходимо искать уже сейчас, а не оформлять эти чёртовы документы. Улыбался своему сну и слабо причмокивал, вспоминая, как до боли сжимал её пухлые груди, оставляя на них лиловые синяки. Он слабо стонал во сне, прокручивая в голове снова и снова те чудесные моменты, когда она – полностью голая, вся взмокшая от пота и крови – давилась его горячим членом. Это было прекрасно, и ради этого стоило жить. Ради их истошных криков

на фоне его быстрых стонов. Ради того, как **они** его умоляли. Боже, как они просили о пощаде! Какую дрожь в ногах он при этом испытывал! Их скачущий голосок, трясущийся подбородок, текучие рекой слёзы и мокрые груди, которые он так любил сжимать до посинения! Всё это заполняло его сладостным счастьем, плавно растекающимся по телу.

Проснулся он через два часа и ещё с минут десять неподвижно сидел, тупо уставившись в обвалившуюся штукатурку и по-детски улыбаясь. Открыл кран и следующие полчаса наслаждался тем, как горячая вода расслабляла его мышцы, освобождала сознание от сотни оков и впускала в море мысленной свободы. Чувствуя лёгкую вибрацию в паху, он с большим трудом заставил себя подавить её и не поддаться ещё раз манящему соблазну. Он вылез из ванны и, вытирая голову, взглянул в запотевшее зеркало. Протёр его рукой и замер, уставившись на своё отражение.

Звали его то ли Виталий Барлиев, то ли Виталий Барлуев – он точно не помнил. Но что он помнил предельно ясно, так это то, что мать называла его чмом. Смысл этого слова до сих пор оставался для него тайным секретом, но он чувствовал плохую, негативную энергетику, исходящую от этого слова – его имени.

Нет. Не моего имени. Меня зовут Джонни Райз и никак иначе.

Он не помнил, как и когда получил это имя. Но именно оно – такое звучащее и невероятно красивое – крепко укор-

нилось в его сознании, заняв место собственного «Я». Когда внутри родился Джонни – смелый, харизматичный и сводящий девушек с ума (в отличие от скромного, зажатого вглубь себя Витали) – родился и он сам – человек, что мстит этому миру, этим женщинам, вот уже около тридцати лет.

Его лицо привлекало своей особой, мужской эстетикой. Широкие скулы покрылись жёсткой щетиной, и он снова с печалью заметил прорастающую седину в своих волосах. И теперь это были не просто мелкие снежинки на чёрном асфальте, а окрас чёртовой зебры, контрастирующей меж глубоким чёрным и ослепляющим белым. Чёлка его представляла собой завитушки жёстких волос, и в запотевшем зеркале ясно светились два холодных огня – его голубые глаза.

Джонни, которому уже исполнилось сорок три года, не был довольно высоким, и тело его было достаточно крупным, но тем не менее он обладал той грацией кошки, что демонстрируют модели на всемирных показах. Движения его были быстрыми, но в то же время и мягкими, будто он назубок выучил собственное тело. Одевался по-скромному, ибо кассирам в наше время много не платили. Джонни старался не выделяться из толпы, ведь уже слышал городские слухи, что по городу бродит какой-то конченный маньяк-насильник, охмуряющий девушек и хладнокровно их убивающий, но вот только никто не знает его лица, поэтому и следует глядеть в оба. Он же лица не прятал, а наоборот – смело улыбался идущим прохожим, глядя им прямо в глаза.

И многие улыбались ему в ответ.

Джонни ещё раз оглянул себя в зеркале и подумал, что его лицо неплохо бы смотрелось на плакатах «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» – на таких, какие показывали в его самых любимых старых фильмах. Разыскивается ковбой ДЖОННИ РАЙЗ, скрывающийся от всей полиции штата и грабящий банки страны; наказывающий обидчиков и насилующий всех женщин; гоняющий на лошади по диким просторам и убивающий любого, кто осмелится встать у него на пути. Да, именно таким он и был. Неудержимый Джонни Райз и его грёбаная улыбка.

Он оделся и, вспомнив про труп на кухне, тихо выругался, после чего пошёл в гостиную за топором для разрубки тела. И как только он переступил порог комнаты, застыл, широко раскрыв рот. В его голубых глазах отражалось маленькое жёлтое сияние.

Казалось, весь мир куда-то исчез, и лишь это сияние осталось здесь, в реальном мире. Оно было живым, и Джонни это чувствовал. Оно глядело на него своими маленькими, но невероятно умными глазками, и взгляд их был оценивающим, пронизывающим насквозь. Он продолжал идти навстречу этим глазам, не замечая того, как преодолевает гостиную. Он всё шёл и шёл, пока светлячок проходил по нему взглядом и притоптывал на подоконнике. Когда Джонни подошёл к окну, он, улыбаясь от уха до уха, открыл окно, и прохладный ночной ветер прошёлся по его телу свои-

ми пальцами. Светлячок залетел в комнату и уселся на поднятую Джонни руку, продолжая вглядываться в лицо. Они смотрели друг другу в глаза на одном уровне, внимательно изучая друг друга. Сколько они так простояли, он не помнил. Но зато на всю жизнь в его память врезалось то, как он поднёс ладонь к губам и, улыбаясь, поцеловал маленькое солнце.

Светлячок радостно пискнул.

Глава 9

Подвиг

Он услышал слабый писк и остановился.

Ветер подхватывал его чёрные волосы, и сияние луны – такой ясной в эту звёздную ночь – усиливало их глубину. Блики призрачных лучей отражались от многих луж, освещая узкие тёмные переулки, по которым он шёл. Холодный свет проникал во дворы сквозь чистое небо и покрывал собой всё, что под него попадало. Тени разбитых фонарей лениво тянулись по выложенным камням, упав на которые можно было бы с лёгкостью вспороть себе кожу, пустив струйки алой крови.

Его спортивное тело, укреплявшееся тренировками, было очерчено чётким контуром умелого художника, и контур этот лишь подчёркивал красоту его фигуры – по-настоящему мужской, несмотря на его шестнадцатилетний возраст. От прохладного ветра кожа покрылась мурашками, и нетронутой ими она осталась лишь на костяшках правой руки, избитых в кровь и потерявших свою чувствительность. Чёрный рюкзак, содержащий всю экипировку для тренировок, висел на одном плече, слегка покачиваясь на ветру.

Остановившись, Женья напряг слух и внимательно прислушался.

Приглушённые стоны доносились до него, и доносились они из-за угла, ведущего в ещё более узкий коридор этого лабиринта переулков. Подойдя к самому углу здания, Женя снял портфель и облокотил его о кирпичную стену, пока сам успел уловить грубые мужские голоса. Их было двое – это точно. А голос третьего, более высокого в сравнении с остальными, оставался неразличимым призраком на грани слышимости. Сохраняя холодный рассудок, он оглянулся и не увидел ни одного человека рядом с собой – ни ребёнка, ни взрослого. Взглянув на окрашенные в бордовый костяшки, он подумал: *“Если там и вправду какая-то заварушка, я буду наитупейшим человеком на свете, зная, что никого поблизости нет. И что тогда?”* – Ответ пришёл сразу. – *Вызвать полицию*

Женя прижался к углу дома, чувствуя ладонями холод кирпичей. Аккуратно, стараясь не засветиться, он выглянул из-за стены.

В просвечиваемом лунной переулке чётко виднелись четыре тёмных силуэта. Как он и предполагал, трое из них – мужчины, одна – женщина. Силуэты мужчин окружили прижавшуюся к стене женщину, и Женя ясно услышал басовитый смех одного из них на фоне женского плача. Фигура девушки дрожала, и всеми силами она пыталась провалиться сквозь стену, слиться с ней или просто стать невидимой, да что угодно, лишь бы эти мужчины отстали от неё! Она просила их о чём-то и жалобно умоляла, предлагая им вза-

мен своё тело. Именно это предложение стало первой каплей, растворяющей клетку его внутреннего орла. Женя почувствовал лёгкий огонёк в своей груди и мелкую дрожь в прижатых к кирпичам ладонях.

Орёл легонько встрепенул крылья, но всё так же продолжал наблюдать.

Один из мужчин приблизился к девушке и мигом прильнул к ней, прижав её к стене и не давая возможности выбраться. Она пыталась его оттолкнуть, чувствуя исходящую от него грубую, животную похоть. Поняв, что силой своей она его не возьмёт, врезала ему коленом меж ног. Мужчина взвыл, и Женя невольно сморщился, увидев мощный удар по самому сокровенному, но тут же его глаза зацепились за ладони ещё одного силуэта, крепко державшего мечущуюся женщину. Она кричала и просила о помощи, пока рот её не прикрыли рукой. Её крики оставались неслышанными; лишь один мальчишка нервно глядел на пляску силуэтов. Их тени сливались друг с другом на выложенных камнях, и призрачный свет луны вливался в тёмный переулок, создавая армию мёртвых фантомов, прятавшихся в каждом тёмном уголке. Женя почувствовал слабый страх, крадущийся к его сердцу рысёй походкой, и тут же возненавидел себя за этот страх. Отогнал его и глубоко закопал, но всё равно ясно слышал истерические крики из-под утрамбованной земли, требовавшие, чтобы он вызвал полицию и ни в коем случае не всовывался сам, а лучше вообще унёс бы отсюда ноги, пока

эти трое парней его не заметили. Женя хоть и был плох в математике, но всё же понимал, что сейчас разница между единицей и тройкой была очень существенной.

Он мечтал о подвиге. О подвиге великом, который запомнят, и запомнят на века. Избивая руки в кровь и оставляя на груше крупные бордовые пятна, он видел, как забегает в горящее здание за кричащим ребёнком, пока его мать в панике просила пожарных спасти её малыша. Видел себя в одном из отделений банка, обезоруживающим грабителя и спасающим жизни невинных людей. Просыпаясь в пять утра и бегая по спящему городу, он ясно представлял, как ныряет в мутную озёрную воду и плывёт к тонущей женщине, после чего подхватывает и вскоре выносит на берег – еле живую и спасённую. Женя ни с кем этим не делился, потому что знал, что многие, если не все, посчитают это бредом юного мальчишки, полным детской глупости и невероятно раздутого эго, которое нужно подкормить доказательством своей стоимости с помощью этих самых «подвигов».

Но он всё равно жаждал подвига. Считал и искренне верил в то, что был рождён не просто для обычного существования. Он был рождён не для того, чтобы ползать среди сотен подобных ему червей, а для того, чтобы летать, расправив свои мощные крылья подобно орлу. Он ждал испытаний и был готов принять их, ведь знал, что крылья перед полётом в небеса не могут не иметь ни одного шрама. Он жаждал совершить подвиг и ждал, когда жизнь предоставит ему такую

возможность.

И, похоже, прямо сейчас она это и делала.

Женя продолжал колебаться, и ветер пробежал по его телу прохладными кончиками пальцев, пока луна неподвижно висела на небе, будто подвешенная игрушка над кроватью гигантского малыша. Один из мужских силуэтов продолжал стонать и стоять на коленях, ухватившись руками за пах, в то время как другой, более крупный, удерживал рвущуюся на волю женщину. Женя увидел очертания её поднявшихся рук и услышал полный боли и удивления крик, когда длинные женские ногти впились в мужскую шею. Мужчина не на шутку разъярился и ударил девушку по лицу. До Жени донёсся чёткий хруст, и внезапно его грудь резко сжалась. Ей нужна была его помощь, и нужна была прямо сейчас. Он ждал подвига, но в глубине души всегда боялся, что когда такой момент наступит – такой, как сейчас, – в самую последнюю секунду он струсит и изменит своим принципам.

Изменит себе.

И сейчас он чувствовал, как его внутренний трус собирается взять рычажки разума и поддать своему управлению. Его руки вновь начали дрожать, и страх, зарытый им под тоннами земли, восстал из мёртвых и теперь всё громче и громче нашёптывал ему на ухо. Но Женя решил действовать, и действовать как можно быстрее, пока не успел передумать, пока его мысли не сковали руки и ноги. Он должен был защитить эту девушку или хотя бы попытаться это сделать. Он

должен был совершить подвиг. Прямо сейчас, и к чёрту эту полицию!

Он справится сам.

Женя сделал первый неуверенный шаг из-за угла, тут же услышал резкий звук рвущейся ткани и увидел, как лунный свет скользнул по маленькой оголённой груди женщины, которую тут же с силой сжал крупный силуэт, вызвав пронзительный крик боли. Именно он отозвался эхом в голове орла, породил пламя в его мощном сердце и заставил выбить дверцу сдерживающей клетки, расправив сильные крылья и вылетев на свободу.

Женя полностью вышел из-за угла, и теперь луна очертила контуры уже его тела, лаская кожу своими холодными лучами.

– Эй! – Его голос, на удивление мощный и спокойный, разнёсся по узкому коридору меж домов, отражаясь от кирпичных стен. Четыре силуэта замерли, и его сердце тоже.

Зная, что сам себе перекрыл путь назад, он двинулся вперёд.

– Уберите от неё свои руки! – Женя слышал шлёпанье своих ног по лужам и видел, как в его сторону поворачиваются тёмные, неразличимые лица. – Я вызвал полицию, и скоро она будет здесь! – Он перевёл дыхание, удивляясь своему блефу. – И лучше вам сейчас уйти и оставить эту девушку здесь, прежде чем они явятся сюда!

На последних словах его голос предательски сорвался и

коротко пискнул. Ненависть, медленно, но уверенно набирающая в нём силу, вытеснила собою страх и наполнила его сосуды текучей злостью. Ярость закипела в напрягшихся венах, и гнев застлал сознание, когда он увидел текущую на голую грудь девушки алую кровь, вытекавшую из разбитого носа.

Женя остановился, и теперь их разделяло всего пять небольших шагов, преодолеть которые можно за секунды. Теперь он мог разглядеть уставившиеся на него лица – страшные маски, тени которых были вызваны лунным светом, опьяняющим и отрезвляющим одновременно.

Парень, чьи яйца были взбиты вкрутую, выглядел намного старше самого Жени, и дело было не только в густой чёрной бороде. Бледная паутинка слабых морщин на лице, чуть впавшие глаза и его взгляд ясно давали понять, что человек этот уже работает, и работает давно. Оттого, что Жене, возможно, придётся противостоять мужчине на порядок старше и сильнее его, по спине пробежал холодок.

Здоровяк же оказался примерно его ровесником, и понял он это по тупому детскому лицу и падающей на лоб чёлке. Только подросток мог выглядеть именно так, как выглядел этот толстяк в своей безвкусной разноцветной толстовке.

Третьей, к удивлению Жени, оказалась девушка, очень походившая на юного мальчишку. Коротко подстриженные волосы, мужская одежда, довольно низкий для женщины голос и свирепый взгляд подростка-бунтаря.

Все они смотрели на Женю в мёртвой тишине ясной ночи. Лишь удары крупных алых капель о грудь вжавшейся в стену девушки разносились по пустынному переулку. Кровь, гонимая бешеными ударами сердца, текла шумной рекой в пульсирующих висках. Все чувства внезапно обострились. Воздух прожигал собою лёгкие, а тёмные лица, чьи блестящие глаза устремились на Женю, казались ему лицами умерших душ, восставших из глубин ада.

Бородатый выступил вперёд, выйдя из тени на лунный свет.

– Что ты сказал? – Он подошёл ещё ближе, и Жене с большим усилием удалось подавить желание сделать шаг назад. Он продолжал стоять на месте, пока Бородатый всё так же не спеша подходил. – Ты вызвал полицию? Вызвал полицию, чтобы они повязали нас? – Он чуть хромал, и вызвано это было тупой, ноющей болью в паху, что ему подарила плачущая женщина. – Малыш, послушай меня сюда. – Расстояние между ними сократилось до минимума, и теперь они стояли вплотную друг к другу. Тёмно-зелёные глаза прямо смотрели в карие глаза Жени, и да, он сдерживал этот взгляд.

Бородатый продолжал говорить:

– Если ты и вправду вызвал полицию, то тебе хана. Ты срываешь нам большой куш и портишь всем праздник. Мы всё равно тебя найдём. Она сможет, – он мотнул головой в сторону девочки-мальчишки. – Понимаешь? Но даже если ты вызвал ментов, то тебе всё равно кранты, и знаешь поче-

му? Потому что ты срываешь нам грёбанный куш! ЭТА СУКА ДОЛЖНА ПОПЛАТИТЬСЯ ЗА СВОЁ, И ТЫ НИ ХРЕНА О НЕЙ НЕ ЗНАЕШЬ, МЕЛЮЗГА!

Женя прекрасно понимал, что под этой луной, в этом переулке уже точно состоится драка, и кровь окрасит освещённые бледным светом кирпичи. Вопрос оставался лишь один: кто станет здесь победителем, а кто – проигравшим, и останется ли проигравший лежать здесь, пока жизнь будет медленно вытекать из него по каплям?

И ответ на этот вопрос пришёл мгновенно. В голове ясно прозвучали слова бывшего друга: *«Если чувствуешь, что сейчас будет жопа, бей первым»*.

Он взглянул в тёмно-зелёные глаза и расправил плечи. Слегка их развернул, стараясь делать это как можно незаметнее, медленно отставил правую ногу назад и перенёс на неё вес, подготовившись к атаке. Сначала он нанесёт удар Бородатому, и пока остальные двое не успеют сообразить, что произошло, схватит девушку и помчится с ней прочь из переулка на улицу. А там посмотрим.

Но Бородатый заметил призрак боевой стойки в движениях Жени. Не теряя времени на подобные прелюдии, он нанёс мощный удар над левым глазом, и попал бы точно в него, если бы в последний момент мальчишка не увернулся.

Женю отбросило, и лишь когда он сделал несколько шагов назад, понял, что пропустил удар. Перед глазами заплясала армия чёрных точек, и вскоре их сменили алые шторы,

окрашивающие мир в красный цвет. Похоже, парень умелый и рассёк ему бровь, откуда сейчас мерно стекала кровь. Он вытер её с глаза и, удивившись её яркости в лунных лучах, поднял взгляд.

– Меньше прелюдий, сопляк.

Он вновь видел три силуэта. Один, идущий на него, – по центру, двое других, оставшиеся стоять на месте, были по бокам. Ещё один, едва различимый, сливался со стеной. Все эти силуэты на фоне ясного неба, обрамлённые лучами равнодушной луны, напоминали тени из самых жутких кошмаров, и одна из них стремительно приближалась, сжимая тёмные кулаки.

Но он здесь не для того, чтобы получать по морде. Женя мечтал совершить подвиг и не мог позволить себе не то что сдаться, а проиграть, и проиграть не только свою жизнь, но, вероятно, и чужую. Злость – этот мощный генератор безумной энергии – закипела вновь, и теперь им двигало не только желание совершить подвиг, но и разmozжить голову этому ублюдку, что позволил себе прижать женщину в переулке. И тому толстяку, сломавшему ей нос, он прикажет собирать собственные зубы в луже из своей же крови. Девчонку он трогать не будет. Иначе ничем не будет отличаться от этих мудаков.

Женя вновь вытер с глаза кровь и расправил плечи. Он пошёл навстречу идущему на него силуэту. Навстречу сиянию луны и своему подвигу.

Орёл расправил крылья.

Как только они стали достаточно близко друг к другу, Женя нанёс невероятно быстрый удар под дых, и даже когда воздух рывком вышел из груди Бородатого, тот всё ещё не понимал, что произошло. Пользуясь моментом, Женя ударил его в лицо и расквасил нижнюю губу. Почувствовал на кулаке кровь и резкую боль в своей кисти. Ударил он неправильно, и пальцы его теперь пылали огнём. Зная, что делать дальше, он крепко схватил руку и начал её заворачивать Бородатому за спину, пока не почувствовал, как его собственные руки сцепили оковы, резко дёрнули на себя, и с какой болью свелись лопатки.

– Я держу! Держу его! – Голос доносился сзади, и пухлые руки сдерживали тело Жени. Он видел, как обозлённый силуэт поднимался, и в истерике задёргался в объятиях толстяка. – БЕЙ ЕГО! БЕЙ!

– ОТПУСТИ МЕНЯ, УРОД! – Он сам удивился звериному рёву в своём голосе и понял, что рёв этот показывал лишь малую часть всего гнева.

Страх заставил его разум мчаться и действовать быстро. Женя с силой наступил на ногу державшему ему толстяку, услышал, как тот вскрикнул, и почувствовал, как мёртвая хватка ослабла. Он тут же вырвался из неё, и тут крепкие руки сжали его плечи. Женю метнули в стену, и он будто ощутил, как душа его отделилась от тела после такого удара. Как только он снова овладел своим телом, кулак врезался в его

нос, и оттуда брызнул фонтан крови. Голова сильно откинута назад и ударила о твёрдые кирпичи. Женя получил слабое сотрясение мозга, но здесь, в бесконечном коридоре пляшущих теней, он этого не заметил. Глаза его горели, и огонь этот гасил собой боль в кисти, голове и спине, к которой начала прилипать футболка несмотря на холод.

Мир перед глазами начал расплываться, и лишь когда Женя ударился лицом об камни, он понял, что его повалили. Не позволяя себе медлить, он упёрся руками о землю и начал вставать, но тут же носок тяжёлого ботинка вырвал кусок его верхней губы. Он снова рухнул, и кровь стекала с его лица бесчисленными ручьями. Женя попытался встать, но сразу же с двух сторон по его рёбрам прокатился град ударов, и по-настоящему он испугался именно тогда, когда услышал хруст собственных костей.

– **ТЫ МЕНЯ ВЗДУМАЛ УДАРИТЬ?! МЕНЯ?!** – Голос был полон ярости, и ярость эта ясно чувствовалась в мощных ударах. На футболке Жени стали проступать пятна крови, и текла она с его тела, казалось, отовсюду, окрашивая собой молчаливые камни. – **ТЫ РЕШИЛ ПУСТИТЬ МНЕ КРОВЬ, СОПЛЯК?!** – И мощный удар взорвал его правый бок болью.

Женя услышал быстро удаляющиеся шаги и улыбнулся бы, если б не умирал. Та девушка бежала и спасала свою жизнь. Значит, он всё же помог ей, а не просто выступил окровавленным мешком для битья. Хоть и под градом уда-

ров, он всё же стал героем, совершившим подвиг и спасшим чужую жизнь.

Главное теперь остаться в живых.

Женя использовал последние силы и резко вскочил, почувствовав острую боль в верхней части живота. Он вцепился в Бородатого, не без удовольствия заметив кровь на лице последнего, но его тут же откинули назад и с силой сжали шею. Женя видел перед собой скрытое тенями лицо здоровяка, искажённое маской возбуждения и гнева, и почувствовал, как толстые пальцы давят ему на шею и перекрывают доступ к кислороду. Его рот бесшумно шевелился в попытках схватить хоть немного воздуха, а руки вцепились в руки толстяка. Он видел стоящую во мраке девчонку и её светлые глаза, с тревогой смотрящие прямо на него. Видел подходящий силуэт, всё отдаляющийся и отдаляющийся в сознании. Его лёгкие превратились в пустой вакуум, и боль от душащих пальцев стала бледнеть, утопая во тьме.

Понимая, что теряет сознание, Женя со всей силы врезал здоровяку меж ног, и воздух тут же ворвался в грудь, породив неистовый кашель. И пока Женя приходил в себя, а толстяк, стоя на коленях, его проклинал, крепкие пальцы вжались в его плечи и мигом развернули. Бородатый нанёс мощнейший удар в челюсть, откинув Женю на несколько шагов. Он пытался держаться на ногах, но всё же рухнул, и колено его взорвалось болью, когда угол камня распорол кожу.

– ОСТАНОВИСЬ! – Голос принадлежал девчонке, и Же-

ня не смог подавить сдавленный стон облегчения, вырвавшийся из его груди. Казалось, он был глубоким колодецем, доверху залитым свежей кровью, и сейчас все жители безудержно пали жертвой жажды, из-за чего практически опустошили этот колодець, оставив лишь малую часть крови на самом дне. – ПЕРЕСТАНЬ, ПОЖАЛУЙСТА! **ТЫ Ж ЕГО УБЬЁШЬ!**

За этими словами не последовало ни единого удара, и Женя так и остался лежать на земле. Холодный ветер пронизывал его тело насквозь, и он не сомневался, что проснётся завтра больным, если вообще сможет проснуться. И несмотря на то, что сам он был разукрашен собственной кровью, вытекавшей из разбитой и вспоротой кожи, что боль устранивала пожар чуть ниже груди, а затылок его был готов взорваться, и мир уходил у него из-под ног, всё-таки Женя смог встать, хоть перед этим и упал два раза. Кровь стекала по лицу, образуя алую маску ненависти, и луна осветила блики горящих, полных злости глаз.

Он поднял руки, сжал кулаки и принял боевую стойку.

Орёл истекал кровью, но не опускал крылья.

– ТЫ ХОЧЕШЬ ЕЩЁ ДРАТЬСЯ?! – Бородатый был не в себе, и слюни слетали с его рта при яростном крике. – ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я ПРЯМО ЗДЕСЬ ТЕБЯ ПРИКОНЧИЛ?! – К нему подбежала девушка и через секунду обняла, что-то торопливо нашёптывая на ухо.

Девчонка, похоже, успокаивала его, и у неё явно это по-

лучалось. Бородатый обнял её и остался так стоять. Женя смотрел на них и прилагал последние усилия, чтобы не рухнуть прямо перед ними. Мир потихоньку уплывал от него, постепенно превращаясь в маленькую тёмную точку, но всё же Женя не позволял себе терять сознание и продолжал стоять, чувствуя текущую по лицу кровь.

Бородатый мягко отпрянул от девчонки и направился к нему. Когда он подошёл вплотную, их взгляды встретились, и оба они смотрели друг на друга с палящей ненавистью.

– Послушай сюда, говнюк. – Он положил руку Жене на плечо, и тот невольно вздрогнул от этого жеста. – Тебе очень, сука, повезло, что моя девушка здесь. Если бы не она, то я бы точно размазал твои мозги по этим камням. Ты в это веришь? – Женя молчал, и Бородатому пришлось продолжить без ответа. – Мы уходим. Ещё раз встретишься у меня на пути, – он понизил голос, – я тебя прикончу, понял? И не вздумай идти в полицию, парень. Ты об этом очень пожалеешь, ты это понял?

Он развернулся и зашагал прочь от Жени. Обнял за талию девчонку и махнул здоровяку рукой, чтобы тот следовал за ними. Все трое покидали этот лунный коридор, и когда они полностью скрылись за углом, ноги Жени подогнулись, и он тут же рухнул вниз, позволив себе застонать.

Он понимал, что ему, скорее всего, сломали пару рёбер, и будто чувствовал их – палящих ярким огнём боли. Правая кисть продолжала ныть и, по прогнозам Жени, после то-

го, как адреналин исчерпает себя в его крови, наутро он не сможет сжать её в кулак или хотя бы пошевелить пальцами. Голова раскалывалась, и крупные трещины головной боли шли именно от затылка, этого эпицентра нарастающих помех. Всё тело болело и казалось неисправным механизмом, скрипящим и разваливающимся на ходу. Силы покидали его, и лишь подступающая рвота смогла их вернуть. Стоя на четвереньках, Женя извёрг из себя обед, издавая тяжёлые стоны и задыхаясь от колющей боли в верхней части живота.

Но он не жалел, что заступился. Пусть сейчас он и был похож на живой труп, всё же был уверен, что поступил правильно, и поступок его спас жизнь той девушке. Лицо Жени покрывала кровавая маска, и на маске этой появилась невероятно слабая, но победная улыбка человека, осуществившего свою мечту.

Хоть и окрашенный собственной кровью, он победил. Победил свой страх и все сомнения окружавших его людей. Всё же он совершил подвиг и стал героем. Героем безызвестным, тихо умирающим в узком коридоре из тёмных кирпичных домов. Героем для самого себя и для той девушки, которую он спас. Скорее всего, она забудет его уже через пару месяцев, но это не важно. Он защитил её и поступил правильно. Так, как поступил бы настоящий герой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.